

Алина Илларионова
Мелочи героической жизни
Серия «Охота на оборотня»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6888455
Алина Илларионова. Мелочи героической жизни: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70997-7

Аннотация

Кто сказал, что в провинции скука смертная? Не верьте!

Молодого любопытного стражника Арвиэля и его верного домового Симеона приключения ждут на каждом шагу, только не споткнись!

То в окрестности шайка беглых каторжан забредёт. То друзья позовут клад искать на хутор с привидениями. То у водяного волшебный гребень похитят, и нечисть расправой грозит, коли не отыщется пропажа. То оборотнича Алесса прибудит, вот и думай, что с ней делать. Да мало ли для стражника дел найдётся...

В общем, скучно не будет. Добро пожаловать в Северинг!

Кто сказал, что в провинции скука смертная? Не верьте!

Молодого любопытного стражника Арвиэля и его верного домового Симеона приключения ждут на каждом шагу, только не споткнись!

То в окрестности шайка беглых каторжан забредёт. То друзья позовут клад искать на хутор с привидениями. То у водяного волшебный гребень похитят, и нечисть расправой грозит, коли не отыщется пропажа. То оборотнича Алесса прибудит, вот и думай, что с ней делать. Да мало ли для стражника дел найдётся...

В общем, скучно не будет. Добро пожаловать в Северинг!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алина Илларионова

Мелочи геройской жизни

Пролог

Год 1422 от Слова Божия

Посвящаю своему сыну, вашим детям и взрослым, ещё не забывшим, что чудеса случаются, а мечты сбываются.

С сердечной благодарностью:

Мудрой и остроумной Людмиле Астаховой – за дружеское соучастие и здоровый сарказм, ведущий лучом света из тупиковой ситуации.

Весёлым путешественникам Диане Удовиченко, Анне и Илье Герасимовым и Галине Ли – за неиссякаемый юмор, приобщение к особенностям разноместного колорита и беседы о четвероногих друзьях.

Замечательным Анне Одуваловой и Марине Голубевой – за жизненный оптимизм, отзывчивость и размышления об изысках великого русского языка.

– А знаешь, кто к нам приехал?! – задыхаясь, с порога выпалила Феодора. С подобными новостями она прилетала через день: молодой город быстро заселялся беженцами почти всех рас, оставшимися после гражданской войны без крова, да бывшими солдатами, увечными или не желавшими более проливать свою и чужую кровь.

– И кто? – спросила Марта, ради подружки-знахарки изобразившая польстивший той интерес. – Надеюсь, кто-нибудь из мастеровых, пахарей нам и своих хватает.

– Эльф!

– Эльф?! – опешила Марта. Уж кто-кто, а остроухие жить в их захолустье вовсе не стремились. – Ты ничего не перепутала?

– Да нет же! Пойдём посмотрим, они с тем солдатом у ворот спешиваются, про места спрашивают.

Свободные места в Северинге были временные полуземлянки, оставшиеся после первых поселенцев, уже отстроивших избы. Марта надела полушубок, повязала шаль (красную, праздничную, ведь «тот солдат» вполне мог стать *тем*, единственным навсегда) и поспешила за ускакавшей вперёд подружкой.

Эльф действительно оказался настоящим эльфом, правда, ещё совсем маленьким, не старше десяти лет. Мальчик восседал на огромном красном жеребце и свысока с напускным равнодушием взирал на мирскую суету, родившуюся по поводу новосёлов. Напускным, потому что зрачки расширились настолько, что от радужек остались только узкие тёмные ободки, а ручки судорожно стискивали загривок огромного чёрного кота. Бледно-золотые кудряшки в беспорядке рассыпались по плечам и, похоже, давно плакали по гребню. Вокруг собралась толпа, но на правах уважаемой травницы Марта без помех пролабировала к маленькому всаднику. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что глаза у мальчика ярко-зелёного цвета, а кожа очень светлая, будто не знавшая солнца. Из распахнутого ворота курточки выглядывал бинт, туго перетянувший грудь ребёнка. У самой Марты детей не было,

и, быть может, поэтому чужой плач особенно остро резал по сердцу. Женщина приветливо улыбнулась – обычно детки, даже очень грустные, обиженные или сердитые, тоже улыбались ей в ответ:

– Ты откуда к нам, маленький?

Эльфёныш поглядел на неё так, как сама травница смотрела на ползущего по скатерти клопа – придавить бы, да вони будет...

Между лопатками растёкся холодок: у ребёнка с кукольным личиком взгляд был не взрослый даже, а какой-то звериный.

Кот-домовой по имени Симеон, до этого спокойно сидевший у ног эльфёныша, вдруг, встав на задние лапы, прижал переднюю к груди и отвесил поклон всем разом, а Марте – персонально.

– Издалече мы, уважаемая! – как нищий на паперти завыл он. – Все ножшшки истоптали, головушки выстудили, а в животиках который день вольный ветер свищует! О-о!

Кто-то громко захохотал, горожане подхватили. Кот показушно схватился за голову, явно и дальше намереваясь ломать комедию о сырых и убогих.

– Evienn'ven, Simhenne ¹, – дёрнув его за хвост, строго шепнул мальчик.

– Симеон, кончай прибедняться! – одёрнул статный мужчина, темноволосый, с прямым светлым взором и лихими усами. Домовой, щёлкнув когтями, демонстративно испарился в воздухе. – Простите этого прощельгу. Берен Грайт.

– Просто Марта, – травница пожала крепкую надёжную руку.

Да, этот солдат вполне мог стать *тем*...

– В общем, как видите, тихо у нас, мирно, люд хороший – самое оно опосля войны раны лечить, – продолжил прерванный разговор Прокопий. – Да и детворы пруд пруди, пацану скучно не будет... Ага?

В ответ на заговорщицкое подмигивание эльфёныш окатил капитана стражи ушатом моральных помоев, затем зевнул в кулачок.

– Суровый он у вас...

– У него всю родню убили, да и сам едва в живых остался. Ещё месяца не прошло, – Берен говорил шёпотом, но мальчик услышал и сердито выпятил подбородок.

Из-под ног собравшихся, виляя задом и потешно взвизгивая, вывернулась чёрно-белая бестолковая Майка, ткнулась собачьей мордой в Мартину руку, но, не обнаружив лакомства, не огорчилась. Вдруг дворняга поставила ухо торчком и, повернувшись в сторону эльфа, шумно потянула носом. Едва заметно ухмыльнувшись, мальчик выгнул правую бровь, и Майка упала на брюхо и поползла, поскуливая и разметая хвостом снег...

– Ты хочешь здесь остаться? – мягко спросил Берен.

Отвлёкшись от собаки, эльфёныш пожал плечами и болезненно скривился.

– Тогда остаёмся... Может, я тебя на руках понесу, Арвиэль?

Мальчик вцепился в луку – аж пальцы побелели.

Значит, Арвиэль. Что-то рычащее-веющее, как шквальный ветер. Красивое имя. Малыш устал с дороги, ему больно, наверное, поэтому и ведёт себя так... непросто.

– Пойдёмте ко мне обедать, – смело предложила Марта. – У меня щи вчерашние, настоявшиеся, пирогов с утра напекла.

Берен колебался, и женщина прибегла к непреложному для любого родителя аргументу:

– Да и малыш, похоже, зазяб совсем в такой-то одежке, хоть на печке отогреется. А то и в корыто можно воды накипятить...

¹ Не шуми, Симеон (*эльф*).

– Не мешало бы тебя выкупать, – Берен снял эльфёнка с седла. Правой рукой Арвиэль обнял солдата за шею, левую прижал к груди. Марте самой хотелось взять это чудо на ручки, приласкать, успокоить, укачать. Что-то подсказывало ей – мальчик не проронил ни слезинки по родным, а лучше б выплакал всю горечь, легче стало бы.

Уже открывая дверь, Марта напоследок лихорадочно прикидывала, всё ли дома в порядке. Нет, чистоте и уюту мог позавидовать самый педантичный жрец Триединого, но всё же женщина она незамужняя, вдруг бельишко забыла с верёвки снять – конфуз будет!

Конфуз всё же произошёл. Правда, не из-за бельишка. Без особого любопытства осмотревшись, эльфёныш застыл над корытом. Марта подошла, пытаясь разобраться, что же так заинтересовало маленького л'лэрда. Корыто как корыто. Ну да, потемнело от времени, дно в трещинах и края щербатые, но не пить же из него! А чтоб заноз не насажать, можно подстелить полотенце.

Марта осторожно погладила по золотистым волосам – точно шёлк. Ребёнок не шелокнулся.

– Ну как, сойдёт ванная?

Мальчик поднял на неё совершенно обалделый взгляд:

– Мрак!

Глава 1

Кто на новенького?!

Новеньких поселили не в землянке, а в хатке, единственная комнатка которой отапливалась по-чёрному. В первую же ночь у Арвиэля от дыма разыгралась страшная мигрень. А к утру стало совсем худо – воспалилось вдобавок пробитое берберианским клинком плечо. Мальчик не помнил, как солдат отнёс его к травнице, в себя пришёл только через несколько дней, а когда вернулся в хатку, увидел большую свежeweыбеленную печку с лежаком. Туда, в тёмный холодный уголок, и полез, пока топить не начали.

За десять лет жизни маленький аватар привык к порядку и спокойствию в поселении эльфов-оборотней, ведь Пресветлая Саттара не одобряет суету. Зачем гневить Богиню? В смешанном же городишке царило настоящее столпотворение: люди, собаки, орки, гуси, свиньи, гномы, козы – всё это вперемешку шаталось по невообразимо кривым улицам без видимого смысла и цели. Толстые тётки лузгали семечки, сплёвывая прямо под ноги, и трещали, трещали без умолку; мужчины с красными носами и весёлыми глазами перемещались странными зигзагами, а то и на четвереньках, зверьё и птица... ну, в общем, пачкали, где придётся, и Арвиэлю приходилось внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить в чью-либо плюшку. Единственная отрада – лошади и коровы. Люди охотно, даже с непонятным любопытством, разрешали мальчику покататься без сбруи, а женщина по имени Марта (лет ей было даже меньше, чем Берену, но по человеческим меркам она уже не считалась молодой) каждый день утром и вечером приносила свежее вкусное молоко.

В Северинге жили и орки, и полукровки, так что «остроухом» не дразнились, но, стоило выйти за порог, шушукались и хихикали или плевались рябиной из камышовых трубочек, тут же с визгом удирая. Как банный лист прилипло прозвище Одуванчик, хотя, пока аватар сам летом не увидел распушившийся семенами серебристый цветок, только гадал, что за «Ванчик» такой. Он чувствовал себя белой вороной, однако поделаться ничего не мог, а единственный совет Берена оказался никудышным.

– Дядя Берен, чего они ко мне цепляются? – как-то спросил Арвиэль.

– Видишь ли, одиночек здесь не любят. Ребята, вон, всей ватагой носятся – и ничего, что старшие через пару лет переженятся, а младшенькие едва ходить научились. Дружно живут, что сказать... Шёл бы ты к ним в компанию – сами не обидят и другим не позволят.

– В компанию к быдлу и орочне? – скривился мальчик. – Лучше пусть меня насмерть забьют!

– Ну зачем же так говорить!

– Каждый должен хранить верность только своей стае, даже если остался один.

Он повторил слова отца твёрдым голосом, хоть и непросто было. Уж больно занятно местные играли в салки и в лапту. Но... Правила есть Правила.

Особенно изумляли страшненькие девочки. У одной выпали передние зубы, но она всю равно улыбалась до ушей, хотя сам Арвиэль, переживая такой же период в своё время, стеснялся лишней раз открыть рот даже при родителях и годовалой сестре. Другая постоянно ковырялась в носу. У третьей всё лицо было покрыто мерзкими бурыми точками, на щеках сплывающимися в рыжие пятна. Брр, пакость какая!

И тем не менее этим девочкам ещё более страшненькие мальчики доставали самую сладкую рябину и шишки на куклы (а всё равно ягоды – гадость! их должны есть птицы и звери, чтобы стать сочными); вырезали из дерева лошадиные головы, а затем приматывали к палкам (наездницы, хих!); звали лекарками в ледяные крепости (крепость, ага! с одного пинка развалится, а лекарка раненых снежками до смерти укормит).

Весной грянул гром и в буквальном смысле, и в переносном: на носу и скулах Арвиэля появилась россыпь точек, темнеющих с каждым днём. Берен то ли не замечал, то ли виду не показывал. Мальчик крепился-крепился, но потом пришёл жаловаться, выбрав момент, когда солдат полировал замшей свою чудесную шпагу – эльфёнок уже уяснил, что, если ему плохо, человек утешает чем-нибудь вкусным, интересным или приятным.

– Дядя Берен, по-моему, я заразился и заболел! Вот! – подсев на лавку, Арвиэль горестно задрал пятнистый нос. Тонкое лезвие шпаги походило на волшебную палочку, при каждом всполохе пламени в печке на острие искоркой разгорался отблеск.

– Обычные веснушки, – усмехнулся человек, не прерывая занятия. У-у-у, как самому-то хочется!

– Весну-ушки?!

– Ну да. Тебя солнышко любит, это факт.

– Раз любит, пусть заберёт их обратно! – Арвиэль заплакал бы, но не умел. Высыпало на лице непонятно что! Ладно бы шрамы от рысьих когтей, как у вождя Араисса, или ожоги, как у кудесника Кузнеца, а то – веснушки! Мрак!

– Дядя Берен, а что такое «факт»?

– Ну-у, это когда ты признаёшь очевидность, неоспоримость чего-либо.

– Нео... псоримость?

– Действительность, реальность, уверенность в чём-либо. Вот, например: снег – белый. Это факт. Но не факт, что завтра не будет метели – мы ведь этого ещё не знаем, завтра увидим.

Арвиэль подумал немного и выдал свой пример:

– Веснушки – мрак! Факт!

Берен засмеялся, отложил шпагу и, притянув его за руку, посадил на колени, прижал к груди. Аватар засопел, пережидая, пока человек удовлетворит свои потребности в телячьих нежностях, затем серьёзно сказал:

– Дядя Берен, а вы неправильно полируете.

– Это почему?

– Ну-у... Неправильно, и всё! Я-то лучше знаю.

– Уж кто бы сомневался...

– Давайте я сам, а?

– Полируй!

Мальчик благоговейно переложил шпагу к себе на колени. Ура!

А веснушки... в конце концов, можно спросить у Марты или Феодоры, как их вывести.

* * *

Когда сошёл лёд, новенький стал уходить на Истринку почти каждый день, где вместе с домовым сидел под старой ветлой с утра до вечера, отвлекая рыбаков. Заводила ребячьей компании Эртан искренне недоумевал, чего это эльф слоняется один. Все вместе, а он будто лучше других себя считает! Тринадцатилетний орчонок сызмальства привык помогать старшим и присматривать за младшенькими и зазорным для будущего воина это не считал. Наоборот, в орочьих племенах для мужчин естественно с пелёнок приучать малышей обоих полов к ратному делу и верховой езде – вот Эртан и приучал, правда, с людьми приходилось обращаться очень осторожно, не то поломаются. Кстати, подрастающим человечкам это нравилось, и мальчик нет-нет да приглядывал себе невесту из девочек постарше: ещё лет пять, и пора будет самому семьёй обзаводиться, а человеческие невесты все на загляденье.

С появлением остроухого орчонок отошёл на второй план. Взрослые и старшие девочки жалели сиротку, наперебой совали вкусности, а тот в благодарность нос воротил. Младшие ребята соображали, как пристать с просьбой научить стрелять из лука «по-эль-

фийски», девочки строили глазки. И чего в нём нашли?! Тошная бледная белобрысая немочь, а уши как рога над макушкой торчат!

Терпение (и недоумение, и злость) подошли к пределу, и Эртан с ватагой пришёл на реку – выяснять отношения.

Эльф-зазнайка неподвижно сидел под своей ветлой, сцепив руками колени.

– Ты это, ррыбачить будешь? – хмуро буркнул Эртан.

Мелкий даже головы не повернул. Вместо него ответил кот-домовой Симеон:

– Оставь его, Эртан, хозяин в печали!

– Не будешь, так и вали отсюда! Нечего ррыбу пугать! – с этими словами орчонок ухватил противного мальчишку за плечо.

В мгновение ока остроухий оказался на ногах и злобно уставился на Эртана. Тот разозлился: степные орки нрав имели взрывной, а тут какая-то козявка угрожает! Он сделал шаг вперёд, эльф тоже.

– Хозя-аин, угомонись! – завопил Симеон. – Пошли домой!

Но хозяин мудрого совета слушать не пожелал и подошёл ещё на шаг, а затем насмешливо уставился на орка снизу вверх.

Вскипев, орчонок попытался сгрести поганца за шиворот, но... тут же остыл в реке, с кувырка войдя в воду штопором. Притом понять не мог, как это произошло. Колдовство!

– Ты что творришь, засрранец?! – вынырнув, заревел Эртан. Свои ребята отворачивались, девчонки откровенно хихикали.

– Да вот, рыбу решил на орчатинку половить! – уперев руки в бока, с берега ухмыльнулся гадкий мальчишка.

Глава 2

Поймать шмурголака

Отшумели весенние грозы, земли людей затопила жара...

Арвиэль, выросший на побережье ледяного Себерского перелива, не знал, куда спрятаться от палящего солнца, чувствуя себя дичью, заживо коптящейся на медленном огне. Перегрев даже в теньке, одышка, обезвоживание, истощение из-за того, что кусок в горло не лез, – все думали, что мальчик погибнет. Но он выжил.

Снова.

Однажды утром открыл глаза и прошептал:

– Молока хочу...

Очень медленно и тяжело, но организм северянина акклиматизировался к душному влажному лету. Постепенно аватар начал выходить на улицу, сперва ранним утром и поздним вечером, а затем и пасмурным днём. Берен заказал у местного умельца маленькую удочку с катушкой, тогда мальчик стал ходить на реку как на работу, потом взялся за колун, смастерил себе лук – негодящий человеческий арбалет было противно даже в руки брать, не то что с ним охотиться. Деньги у Берена пока водились, но жить нахлебником Арвиэль не привык.

Сидеть на речном ветерке в намоченной рубашке было терпимо, но волосы... Раньше локоны ниже лопаток проблем не доставляли, а маме даже нравилось, что они вьются: необычно для эльфийской расы, вдобавок любая причёска смотрится аккуратно. Неплохое дело, если учесть, что Арвиэль терпеть не мог причёсываться. Берен же, боясь причинить боль, растягивал процесс на час. Коса – единственное, что умел заплетать бывший сотник – получалась тяжёлой и неудобной, а голова прела (враньё это, что эльфы не потеют, у них, представьте себе, и насморк бывает!). К тому же в Северинге косу носили только девочки...

Раньше мама обрезала сыну лишь кончики волос, о том, чтобы подстричься коротко, и речи не заходило. Но теперь маме с папой и сестрёнкой хорошо в Хрустальных Чертогах, а Арвиэль здесь от жары мучается. Мальчик наточил ржавые ножницы и, дождавшись, когда Берен будет в настроении, торжественно протянул кольцами вперёд.

– Дядь Берен, я хочу, чтоб как у вас на голове стало! – Арвиэлю и впрямь нравилось: волосы солдата, тоже вьющиеся, были подстрижены «лесенкой» от бровей до середины шеи.

– Седеть тебе ещё рановато, – не притронувшись к ножницам, усмехнулся человек.

– Эльфы не седеют – физиология такая, – назидательно сказал мальчик. – Ну, дядя Берен, вам что, жалко?

– Жалко! – искренне ответил тот. – Потому что за твою косу золотом платить надо.

– Так давайте отчекрыжим и продадим!

– Отчекрыжим... Самому-то не жалко?

– Не жалко, а жарко!

– Сильно печёт?! – встревожился Берен. Мальчик грустно кивнул:

– Угу, и голова кружится.

Взяв его за подбородок, мужчина взгляделся в лицо эльфёнка, а тот молил Пресветлую, чтобы щёки не запылали – соврал ведь, подлец, старшему соврал.

– Что-то ты и впрямь бледный, да и румянец мне твой совсем не нравится... Ладно, стригись, но, может, лучше Марту попросишь?

– Не хочу Марту, хочу, чтобы вы стригли! – Ну их, этих деревенских тёток, вдруг ведьмой окажется и сопрёт прядку на какое-нибудь варево?

– Я не умею! – признался Берен. Арвиэль повеселел.

– И что! Я раньше кусты тоже стричь не умел, а теперь вон как ровненько выходит!

– Ну, ты сравнил!

– А вы представьте, что я – малина и уже ползу на вашу розовую клумбу...

Наперво отрезали косу: Берен завернул её в платок и бережно положил в шкаф как реликвию. Затем стал ровнять по прядкам, и это затянулось. Лезвия касались лба Арвиэля, холодили сталью уши, и казалось, вот-вот прихватят острый кончик. Мальчик зажмурился. Видимо, Берен тоже...

– ...! Едрёна мать! – пару часов спустя оценил он результат.

– Дядь Берен, а что такое «...»?

– То, что я у тебя на голове наворотил, – мрачно пояснил мужчина.

Арвиэль, которого все называли Виллем, осторожно глянул в маленькое зеркало на стенке. Стрижка действительно получилась коротковатой.

– Ой, дядя Берен, я теперь на барашка похож! Только уши торчат... как у ослика...

Берен уронил лицо в ладони и захохотал.

* * *

После случая на речке друзья стали над Эртаном подтрунивать: как же, тощий ровно щепка остроух степняка завалил! Беззлобно посмеивались, но орчонок кипел. Несколько раз они с Арвиэлем сшибались за старым гумном один на один, однако младший мальчик, худощавый и вёрткий, как ласка, неизменно уходил победителем, а старший крепыш – с разбитым носом. Меж тем подошла Свитлица², и Эртан придумал, как поставить зазнайку на место.

Тот сидел на приступке и точил на бруске кухонные ножи. Надо признать, получалось ловко, особенно для десятилетки, будто эльфёнку с люльки клинки заменяли погремушки. Эртан важно прошёлся туда-обратно, но добился внимания лишь от Симеона.

– Добрейший утречок, Эртан! – кот расплылся в зубастой улыбке. – Тебе чего надобно?

Вжик... вжик... Наточенные лезвия сияли как зеркала. Орчонок засмотрелся и вопрос пропустил.

– А?

– С чем, спрашиваю, пожа-аловал?

Остроухий что-то с усмешкой шепнул по-своему, и кот захихикал. Эртан набычился.

– Да вот, пришёл узнать, как Свитлицу справлять будете. Со всеми аль по-своему?

– Мы с хозяином её не справляем.

– Здесь её справляют ВСЕ, – многозначительно подчеркнул Эртан. – А кто не справляет, тот прротив нас!

Арвиэль попробовал нож пальцем, удовлетворённо хмыкнул и отложил к наточенным. Ладони у него стали серыми от крошки, но мыть их эльф не побежал, а по-простому кое-как вытер о штаны.

– Предлагаешь мне попрыгать через костёр, папоротник поискать или напиток вдрабадан?

– Как хочешь, а мы нынче к омуту пойдём. Говорят, в полночь оттуда шмуррголак вылезает.

– Да ну? Это кто?

– Чудо-юдо невиданное! Чёрное, лохматое, сам в тине, а из пасти утопленниками за веррсту несёт. Кого на берегу ни увидит – задеррёт и прроглотит.

² Полный справочный материал по Неверрийской империи приведён в конце книги, раздел «Декорации и реквизит».

– Что, всех глотает? Откуда ж тогда байки берутся? – хмыкнул эльфёнок, берясь за следующий нож. Вжик-вжик... Вжик-вжик... Вновь засмотревшись, Эртан прослушал очередной вопрос, но признаваться в этом не хотел.

– Забоя-ался! – с удовольствием констатировал он.

– Ещё чего!

– Стррухнул!

Глубоко вздохнув, эльф посмотрел в небо, потом на землю, поднял взгляд на Эртана и отчётливо произнёс:

– Слушай... иди ты в... пока я тебе не...! Усёк?!

Орчонок усёк главное: мелкий засранец попался на крючок...

Однако ж по матушке кроет лихо!

* * *

– Симка, а шмурголаки бывают?

– Я не видал, – честно признался домовой.

– Но слышал!

– Слыхать-то слышал, да только на Свитлицу всякая пакость случается. Ты шшто, хозяин, пойти решил?! Ты это брось! Вдруг русалки утянут али омутник! Станешь зелёньким аки муравушка вешняя, орки за своего примут!

– Делать мне нечего, кроме как по омутам ночью шляться, – Арвиэль неумело сплюнул сквозь зубы. Н-да, у зеленомордого это выходит куда ловчее!

Едва на землю опустились сумерки, как вдоль берега разгорелись огни, будто невиданные цветы колдовского папоротника. К ним мотыльками слетались простоволосые девушки в нарядных сарафанах, парни, по случаю нацепившие чистые рубахи, меж взрослых с гиканьем шныряли подростки. Старшие облюбовали костёр близ орешника, и оттуда то и дело громыхал разудалый хохот, тренькала балалайка, тянуло спиртом и жареным мясом. Певцам сопровождали сверчки и ночные птицы, и фосфорическими бусинами унизали траву светляки.

Берен нет-нет да посматривал на сундук, где лежала рубашка с праздничной вышивкой, но каждый раз отводил взгляд. Наконец тоже подошёл к окошку и по примеру Арвиэля облокотился подбородком о кулак. Горожане ручьями текли по улицам, с толкотнёй впадая в ворота.

Мальчик украдкой покосился на задумчиво-грустный профиль отставного солдата.

– Дядя Берен, вы идите. Не надо из-за меня праздник пропускать, не то другие обидятся.

– А ты?

– Что я, маленький?! Ужин согрею, подожду, пока печка прогорит, закрою вьюшку и лягу с Симкой спать. Идите-идите, а то тётя Марта вон как оглядывается, будто кого высматривает. А кого же, как не вас?

Мужчина потрепал аватара по стриженной голове.

– Порой мне кажется, что ты хитёр, как лисёнок... Впрочем, почему б не сходить?

– Мы спать пораньше ляжем! – скрестив пальцы за спиной, пообещал Арвиэль. – Ой, а ту жилетку с серебряными пуговицами наденете, ладно? Вы в ней на губернатора похожи – солидный такой, умный!

Как выглядят губернаторы, Берен рассказывал. А в Северинге градоправителя пока не было...

– Угу, а без жилетки дурак дураком...

Жилетку Берен надел и даже белый платочек в нагрудный карман положил. Видимо, хотел не только умным показаться, но и окултуренным (так это, кажется, на межрасовом называется), ведь у людей принято дарить понравившимся дамам платочки с кружавчиками... Или кружавчики дамы дарить должны? Впрочем, без разницы, у недолгоживущих тьма тьмущая бессмысленных прелюдий. Аватары подобной дурью не маялись: нашёл себе невесту, кольцо ей отдал, в тот же день вожди Клана союз скрепили, а дальше... Что дальше, папа когда-то туманно объяснял на клинках и ножнах, затем махнул рукой и отослал к маме. Мама ещё «понятнее» рассказала про пестики и тычинки. Арвиэль тогда уяснил одно: детей вовсе не Океан на берег выносит. А потом мама расплнела, и родилась Эстель.

Мальчик тряхнул головой, отгоняя сжавшие сердце воспоминания, и уставился в окно. Берен помахал рукой на прощание, и невольно аватар махнул в ответ. Всё-таки хорошо, что этот человек не дал ему умереть. Может, когда-нибудь заново жить научится.

Арвиэль подогрел ужин, вскипятил молока. Сам он предпочитал молоко свеженькое, немного остуженное в погребке, но Симеон от горячего млел и засыпал мгновенно, особенно если мёду добавить. Аватар, не жалея, плюхнул столовую ложку мёда и хорошенько размешал.

– Охх, хозя-аин, какой ты чуткий, какой понимающий... – вода хвостом по хозяйскому сапожку, с предвкушением вкусенького заныл домовый...

Вскоре Симка дрых, кверху пузом развалившись поперёк кровати.

Арвиэль тенью просочился за дверь.

Чтобы не столкнуться в воротах с кем-то из горожан, эльфёнок перелез через стену, по-паучьи ловко вскарабкавшись по высокой обтёсанной штакетине. Если бы сему нашёлся свидетель, он немало изумился бы силе в худеньких ручках и бесстрашию, с каким мальчик перебирался через заострённый гребень.

– Фуфеля мать... – прыгнув за городом, Арвиэль сунул палец в рот, выкусывая занозу. Мать шушеля была существом мифическим, наверняка, как и пресловутый шмурголак, но... в конце концов, до встречи с Симкой эльфёнок и про домовых не слышал. Надо проверить! Факт!

По дороге гуляли парни, девушки и Сидоров козёл. Встречаться было чревато с любым из вышеупомянутых: первые могли донести Берену, что мальчик шатается за городом один ночью, последний имел крутой нрав, а рога ещё круче. Оставалось идти лесом, ну а там четыре ноги лучше двух! Мышкой шурхнув через дорогу, аватар углубился в подлесок, выбрал местечко по запаху и опустился на четвереньки – трансформироваться на ходу или стоя пока что выходило не очень. Опустил голову, сосредоточился. Мальчика окутало мягкое серебристо-белое мерцание, похожее на звёздный свет, очертания фигуры дрогнули и увеличились в размерах, встрепенулись призрачные крылья...

Несколько мгновений спустя белый волчонок чихнул, привыкая к обострившемуся обонянию, потянулся нетопыринными крыльями. Придирчиво обнюхал поваленную сосну и удовлетворённо гмыкнул: местный вожак не посмел перекрыть метку аватара. Арвиэль не раз встречал этого матёрого волка и его стаю, но осторожные звери предпочитали почтительно кланяться на расстоянии. А жалко, поиграть не с кем!

Аватар двинулся к реке параллельно дороге, однако через пару минут идея сменить ипостась уже не казалась хорошей: белая шёрстка вымокла в росе, перепачкалась грязью и зеленью, вдобавок Арвиэль нацеплял полный хвост репёв. Разглядывая в луже чумазую мордочку с налипшей хвоей, волчонок грустно пришёл к выводу, что сам бы сейчас сошёл за шмурголака.

Он трусил по лесу, искренне радуясь тому, что со стороны его не видят: во-первых, горожанам совсем не обязательно знать о природе его истинной сущности, во-вторых... ни

при каких обстоятельствах аватар не должен выглядеть как вонючий невымытый человек, и единственное, в чём он может испачкаться, – кровь убитого врага. Правило такое, вот!

Арвиэль уже предвкушал свежесть ночной реки, когда в нос так шибануло сивухой, что волчонок сел лапами враспопырку, спрятав нос в крылья. Куст лещины внезапно зашевелился, и из-под него задом выползло нечто ещё более устрашающее, чем сам аватар. Башка пузатого страшилища, увенчанная короной из листьев и веток, походила на пучок прелых водорослей, лицо скорее угадывалось по багряному носу, гулькой торчащему между мясистых щёк. Одето оно было в кафтан и полосатые штаны, судя по состоянию, потащенные у несчастного утопленника лет ...цать назад, и довольно сносные сапоги. Вдобавок нечто мотылялось, как поплавок в проруби, так что пришлось собрать глаза в кучку, чтобы ненароком не разъехались.

«Шмурголак?» – удивился волчонок.

«Шмурголак!!!» – читалось в круглых как монеты глазищах страховидла, в котором Арвиэль с трудом опознал вдрызг пьяного ростовщика Демьяна.

– А-а-а... Хы-ы-ы... – мужик размашисто творил святые знамения, но поскольку с бутылкой он расставаться не пожелал, то со стороны казалось, будто Демьян предлагает выпить, да не может определиться кому – то ли случайному встречному, то ли пню, то ли кустам.

– Добрый вечер, уважаемый, – вежливо поздоровался аватар. Бархатистые крылья он так и держал перед мордой, сомкнув плащом: уши торчали над ними, а задние лапы с внушительными когтями – из-под них. В общем, желтоглазая «нечисть на курьих ножках» размером со сторожевого пса, одетая к тому же в типично графский плащ, выглядела оригинально. – Чудесная нынче погода!

– Мгы-ы-да-а-а... – оставив попытки отмахаться бутылкой, ростовщик опустил руки.

– Не подскажите, как пройти к вашему омуту? Родич у меня там живёт.

– Хыть! – Демьян ткнул большим пальцем через плечо.

– Спасибо, – волчонок шаркнул лапой, выпустив когти на всю длину. – Не смею вас задерживать, уважаемый, можете идти.

Бочком-бочком обойдя чудо лесное, Демьян поспешил воспользоваться разрешением. За спиной Арвиэль услышал сдавленный вопль, стук выроненной бутылки и удаляющийся топот...

До чего ж людишки безмозглы! Мрак!

Когда за ветками блеснула речная гладь, Арвиэль перекинулся обратно, но грязь, увы, не отлипла. В таком виде на него и шмурголак не покусятся – удерёт, теряя лапы (ну, или что у него там вместо лап), а возвращаться нельзя – Берен отругает и шпагу полировать не даст. До урочного часа, когда вылезает шмурголак, времени было навалом, и Арвиэль, брезгливо скинув рубаху, пошёл к омуту умываться-стираться. Он был безоружен, но ни капли не боялся: шипы на аватарьих крыльях по остроте не уступают стали, а выпустить их – секундное дело.

На изгибе река крутым серпом врезалась в берег. Арвиэль неспешно подошёл к кромке, меланхолично покусывая травинку, чтобы любопытство не толкнуло промеж лопаток, заставив бегать и орать, как тот витязь в глупой человеческой сказке, которую Симка рассказывал: «Выходи на смертный бой, лихо одноглазое!» Половодье было обильным, первозвон выдался дождливым, и поэтому вода ещё не окончательно спала, но для десятилетнего ребёнка берег оказался высоковат. Мостков к нему, увы, не прилагалось. Опустившись на колени, мальчик наклонился и черпнул воду горстью – тёпленькая, и звёзды сверкают, точно жемчуг в мамином ожерелье. И течение столь же быстрое, какой была Элейна Винтерфелл. Увы, это её не спасло, одну, окружённую семерыми в тесноте собственного дома.

Аватар смыл с лица грязь вместе с невыступившими слезинками и взялся за рубашку. Одной рукой он упирался в берег, а другой полоскал, но было жутко неудобно: рубашка окуналась лишь до середины, грубая ткань намочила и отяжелела, вдобавок казалось, будто кто-то рвёт её из рук.

«Вот сейчас лягу, нагнусь к воде и выполощу!» – решил мальчик, свешиваясь над омутом.

Арвизэль ещё успел осознать, что это глина, размытая паводком и дождями, оседает под ладонями и животом, а сам он скользит головой вниз. Только призрачные крылья плеснули и растаяли, не успев толком материализоваться.

Эльфёнок-оборотень не боялся холода водных глубин, плавал как рыба и при высокой волне мог на лодке выйти в море. Сейчас всё было иначе. Всплыть не получалось: вода жгутами обвивала руки и ноги, кружила штопором, неумолимо увлекая на дно. В крошечной тьме невозможно было сориентироваться. Арвизэль попытался грести в сторону, пытаясь вырваться из водоворота, а в ответ его кувыркнуло. Верх и низ перепутались, грудь сдавливало всё сильнее...

«Какая нелепая смерть...» – вяло подумал мальчик, когда кто-то подхватил его под мышки, и Арвизэлю почудилось, будто он летит сквозь толщу воды...

Выворачивало долго, и разве что из ушей не хлестало. В груди пекло, в носу щипало, воздух обжигал всё нутро. Если бы мальчика не держали за плечи, он кувыркнулся бы обратно. Более-менее придя в себя, Арвизэль поднял голову и тут же стыдливо зажмурился: три девицы-русалки купались нагишом. Однако аватар успел заметить, что у той, которая его держала, волосы были с прозеленью, у другой – серебристые, а у последней переливались перламутром. Все трое вылезли из воды по пояс, не смущаясь ни течения понизу, ни собственной наготы поверху.

– Такой хорошенький! – восторженно хихикнула одна из них.

– Вот лет через пять... – странным тоном шепнула другая.

– Ты ж ещё маленький совсем, дурашка! К нам-то зачем прыгнул? – поинтересовалась зеленоволосая, помогая мальчику сесть. Прижиматься к голой девице было верхом неприличия, но от неё веяло чем-то родственным, и почему-то захотелось ответить, а не отмолчаться по привычке.

– Я не маленький, и я не прыгал, – сипло буркнул Вилль. – Я упал. Как дурак, не спорю. Это факт.

Девицы так громко прыснули, что у аватара в ушах зазвенело. Он рискнул приоткрыть один глаз и, обнаружив, что купальщицы занавесились волосами, открыл и другой. Для человека спасительницы оказались на удивление симпатичными: их мерцающая от влаги кожа была ещё светлее, чем у Арвизэля, по-эльфийски хрупкие фигуры казались прозрачными, а глаза – бездонными.

– Сильно расшибся об воду? Замёрз? Испугался?

– Не расшибся вовсе, не замёрз и тем более не испугался... а сами-то вы, тётеньки, не мёрзнете? – осмелев, ехидно спросил мальчик. – Ножки не сводит?

Девушки переглянулись и захохотали громче прежнего.

– Какое прелестное дитя! – отсмеявшись, умилилась зеленоволосая. – Нас, дружочек, месяц греет, а ножки...

Подтянувшись на руках, девушка выбралась на берег.

Арвизэль только рот открыл – вместо ног у неё был рыбий хвост.

Он просидел с русалками всю ночь и узнал, что шмурголака в омуте не было, нет и не будет – водяной не пустит.

Выловленная рубашка к утру подсохла, и вслед за угасающими звёздами мальчик вернулся в город. Эртан нашёлся за конюшней в компании ровесников и бочонка пива.

– О, наш геррой веррнулся! Ну что, видал шмуррголака? – небрежно сплюнув, гоготнул зелёный. Остальные схватились за животы.

– Ага, видал. Сейчас и тебе покажу, – спокойно ответил Арвиэль и пинком вышиб из-под орка чурбак.

* * *

Не вмешайся взрослые, орчонок валялся бы в постели месяц. Что поделать, дети – существа жестокие и нетерпимые ко лжи – чужой, не своей.

Влетело обоим. Эртану от Марты (они приехали в Северинг вместе, из одного села) только морально, а Арвиэлюшку сперва долго держали на руках, уговаривая больше «никогда не нервировать дядю Берена», потом отругали так, что стены дрожали, и отправили чинить забор.

Ростовщик Демьян долго ещё ходил индюком, рассказывая каждому встречному о том, как в лесу пил со шмуррголаком. Ему не верили, но смеялись и охотно наливали.

Больше полугода Арвиэля игнорировали, не считая мелких пакостей вроде намалёванной на двери лопухой рожи, больше смахивающей на Симкину.

Тридцатого лютня, в день своего рождения, эльфёнок взял лук для отвода глаз, в лесу обернулся волком и в честном бою добыл оленя – уже одиннадцать лет как-никак, сам должен обеспечить праздничный стол, чтоб гости остались довольны. Гость был только один, так что мяса хватило надолго.

А однажды, много-много лет спустя, рога этого самого оленя помогут сделать шаг навстречу друг другу двум абсолютно непохожим существам, противоположным и непримиримым, как лёд и пламя, как снег Себерского перелива и жаркие степи у подножия Поднебесной Цепи, как север и юг. Только по воле Кружевницы-Судьбы случится так, что сердце у них будет на двоих одно. Но это уже совсем другая история...

Глава 3

Тонкости провинциальной дипломатии

Как-то незаметно для себя Берен пришёл к забавному выводу, что капитан стражи Проконий и Арвиэль похожи способностью поглощать любимый продукт в запредельном количестве, только первый вино квасил вёдрами, а второй как губка впитывал знания. Почему луна изменяется? Как цапля спит на одной ноге и не падает? Зачем кошки в перевозвоне так орут, если всё можно сделать быстро и тихо, не получив ни от кого пинка в пузо? Дядь Берен, дядь Берен, дядь Берен...

Когда Арвиэль как-то разбудил его посреди ночи и на полном серьёзе спросил: «Почему ослик горшечника Игната задирает хвост, когда ревет, а если хвост прижать, то ослик замолкает?» отставной военный понял: всё. ХВАТИТ! Пусть сам ищет ответы в книгах, если так интересно. Эльфёнок знал межрасовый хорошо, но всё же он не был его родным языком, и многие слова заставляли озадаченно тереть переносицу, покусывать губу и бежать за помощью с очередным: «Дядь Бере-эн...» В общем, господин Грайт решил съездить в губернский центр Стрелецк и купить мальчику толмач с эльфийского на межрасовый и наоборот, «Большой Имперский Словарь» и пару занимательных книг. Арвиэль запрыгал от радости, когда узнал, почему дядя Берен должен уехать на пару недель, а сам он временно поживёт у тёти Марты.

Засёдлывая верного Заката и насвистывая гномью плясовую, господин Грайт и не подозревал, к каким последствиям приведёт эта поездка. Не печальным, конечно, но случай навсегда войдёт в летопись славна града Северинга.

* * *

Пока Марта подметала пол, Арвиэль, сидя на столе, болтал ножками, пил молоко с яблочным пирогом и почемуничал.

– Госпожа Марта, а почему госпожа Агафья на всех всегда ругается и обзывается? У неё это... словесное недержание? Так пропишите ей что-нибудь для словесного запора, вы же травница!

Марта только вздохнула. Жена ростовщика Демьяна была настоящей чумой Северинга, но, увы, временем не выветривалась, прижиганию горячей рукой не поддавалась (пару раз она ходила в синяках неизвестного происхождения, но свято верила, что муки телесные лишь укрепят её дух), и снадобий против неё наука не изобрела. Агафья бродила по улицам аки мятежный дух и тыкала своим нательным треуглом в лица иноверцев, убеждая их, даже настаивая всем скопом сиюминутно податься в скиты правоверные плетью отсекай поганые языческие корни. Как вариант подходила незамедлительная ссылка в Бездну, при этом народ шушукался, будто сама она там сковородками да котлами и заправляет. В общем, канонический образ смиренной овцы был ей чужд и противен.

А сама она – всем горожанам поголовно, включая собственного мужа.

– Госпожа Марта, а что такое «поганое исчадие»?

– Это кого она так назвала?

– Меня вчера назвала.

– Ты что-нибудь дурное сказал или сделал?

– Наверное, – мальчик потёр переносицу, припоминая дословно. – Она спросила, боюсь ли я, что после смерти Триединый осудит меня за язычество и в Бездну демонам на

сковородку скинет, а я ответил, что Богов-Созидателей у нас четыре, и судить меня будет Пресветлая Саттара, а вовсе не ваш Иллиатар. И никуда она меня скидать не будет, вот.

– Ну я ей выскажу... – Марта стиснула кулаки, заранее зная, что сороку Агафью не перетараторить. Всё равно пойдёт и выскажет всё, что думает об этой склочной, сварливой, глупой курице!

– Это плохо, да? – оживился Арвиэль. – Можно я обзову её песцом позорным? Это тоже очень-очень плохо!

– Или кутссей крыссой!³ – охотно подсказал Симеон, как ни в чём не бывало сидевший на столе, свесив хвост. У него вообще была чудная привычка где-нибудь внезапно появляться из ниоткуда. Правда, частенько одновременно с этим где-нибудь что-нибудь исчезало в никуда.

– А давай каждый по-своему! Идёт? – эльфёнок и кот деловито пожали руки-лапы.

– Не идёт! Берену из-за вас потом такой «песец» будет... – Марта замерла у открытого настежь буфета, где хранились мучные продукты и сахар. – Та-ак... А куда пряники делись?!

– Мышшки, – уверенно сказал домовый, смахнув крошки с усов.

* * *

Когда Берен покупал толмач, продавец, дрожа усами и очками от гордости, хвалил прочный переплёт, сносную бумагу и неплохое качество типографии. Кроме того, вещал он, в толмаче указаны различия в диалектах всех губерний, содержится краткий словарь просторечий, крылатые фразы и прочее, прочее... Берен ошалело кивал и всё отчётливее понимал, что купит это, купит, даже если придётся переплатить вдвое, лишь бы зануда отвязался.

Зато в Северинге его ждал горячий ужин, Марта, Симка и умытый, опрятный, причёсанный Арвиэль, за две недели на сливках и сдобе отъевший симпатичные щёчки. Он не поправился, просто из тощего стал стройным.

Берен даже заревновал немного, когда мальчик, прежде считавший травницу ведьмой, сам обнял её на прощание. Впрочем, тут же себя отругал: значит, сердце эльфёнка понемногу оживает, вот и хорошо. Значит, поправится и вырастет неплохим парнем, а не озлобленным мстительным зверем.

Чудо-толмач, принесённый Береном, Арвиэль начал листать не с первой, а с последних страниц. Пока Берен стелил постели, мальчик сидел на печке тихой мышкой, сосредоточенно посапывая. Наконец с презрением вынес вердикт:

– У орков такой скудный словарный запас, мрак! Впрочем, чего от этих дикарей ждать?

– Здесь и орочий словарь есть? – изумился Берен. Нечаянно или нарочно, но продавец не упомянул, что в толмач включена и «мудрость по матушке».

– Ага, в самом конце. С переводом на межрасовый и перечнем расхожих фраз... Кхм. Странно...

– Что? – насторожился Грайт. В орочьем лексиконе вообще много необъяснимого. В первую очередь, как они сами друг друга понимают?

– Вот, например: «Курваляй ных баргуза». Здесь написан перевод: «Вы меня утомили, оставьте», но «баргуза» – это... кхм, место, на котором мы сидим, а «курваляй» – «ходить, передвигаться».

– Отдай сюда словарь, я новый куплю, – Берен хотел отобрать книжку, но мальчик вцепился в неё как клещ, увернулся, спрыгнул с печки и удрал под стол. Достать его оттуда было невозможно: подлезешь с одной стороны, он вышмыгнет с другой, обежит тебя и вновь будет из-под скатёрки выглядывать.

³ Лемминг.

– Не-эт, погодите! Ага, вот! Ковжупень! Это значит «женщина свободных нравов». Дядь Берен, а Марика – ковжупень, да?

– Её не вздумай спросить! Отдай!

– Или вот ещё... О-о-о!!! – восторженно завопил эльфёнок. – Хывря – самка собаки!

Ну, это точно про Агафью!

– Арвиэль, немедленно отдай эту похабщину! – взвыл Берен.

Изумрудные глазищи задорно сверкнули.

– Дядь Берен, здесь же орков полно, а иначе, как матом, они не понимают... Вы же сами учили: если хочешь, чтобы тебя поняли правильно, говори на доступном для собеседника языке.

– Арвиэль, отдай это немедленно.

– Нет!

– Выпорю!

– Порите на здоровье, только книгу оставьте! Ну, пожа-алуйста!

Берен со вздохом махнул рукой – в конце концов, куда деваться: если живёшь бок о бок с орками, рано или поздно чего только от них не наберёшься!

– Шушель с тобой...

– А знаете, как по-орочьи «шушель»? – обрадовался Арвиэль. – Ни в жизнь не угадаете!

* * *

До осени сего года орканец Эртан жил вместе с Мартой, хотя в саму избу-аптеку забегал лишь перекусить, а ночевал где придётся: летом на заднем дворе, зимой в сенях или вовсе у приятелей. Мальчик лелеял две мечты каждого уважающего себя орка: свой та'шэр⁴ (в данном случае избу) и трактир, да такой, чтоб конкуренты к нему пиво пить ходили. В селе Гусиные Прудочки, где родился и вырос Эртан, таким заведением ведал папаша Зорн, так у него даже конкурентов не было. Папаша самого мальчика трактира, увы, не имел, зато бережно хранил книжицу с семейными рецептами лучшего в Орканских степях пива и никому, кроме сына, о ней не сказывал. Гражданская война оставила Эртана сиротой, но он отнёсся к этому по-орочьи стойко: отцу хорошо теперь там, в Великих степях, где трава шёлковая, и никогда коварный камень не ляжет под конское копыто. Однако мальчик и самому себе, и покойному поклялся такой трактир поставить, что на всю губернию славить будут. И название уже придумал – «Оркан-бар», дабы никто не усомнился, что хмельным нектаром действительно орканец угощает, а не какие-нибудь гномы.

Осенью Эртан переехал в свою избу, отстроенную собственноручно и с орочьим размахом, то есть в расчёте на минимум полдесятка отпрысков. Лишь после этого, захватив папашину книжку, орчонок явился к зажиточному мельнику Мирону. Деловитый и хваткий, чувявший наживу, как гончая – лису, мельник быстро смекнул, что Эртан предлагает дело выигрышное, и идею поддержал. Год выдался богатым на все урожаи, и компаньоны, скрепив договор подписью и рукопожатием с традиционным плевком в ладони, решили половину Миронова ячменя пустить на пиво, вспахать целину под озимые и тем же временем начать отстраивать пивоварню и трактир.

Домой орчонок возвращался в столь радужном настроении, что даже не окликнул попавшегося навстречу остроуха. Это сделала невесть откуда вынырнувшая Агафья.

– И куда это ты так спешишь, исчадие неблаговерное? – елейным голоском осведомилась она. – Того и гляди, собьёшь с ног человека доброго, вовек потом грех не замолишь!

⁴ Орочья юрта.

– Домой, к дяде Берену, – буркнул Арвиэль, пытаясь пройти мимо, но противная, вечно ругающаяся на всех тётка схватила его за локоть.

– И как он поживает? Здоров ли?

– Спасибо, не жалуется.

– Ну это ненадолго. Вот не покаешься за грехи свои тяжкие, и Господь справедливый накажет тебя: пошлёт на твоего отца названного недуги тела да разума. И покроется он струпами зловонными, и высушит кости его, и выжжет нутро... Эй, ты куда, исчадие невоспитанное?!!

Но эльф уже выкрутился и опрометью бросился домой.

* * *

Ночью Берен проснулся от страшного крика. Арвиэль метался в постели, судорожно комкая простыню, одеяло сбилось к ногам. И бельё, и мальчик были сырыми от испарины – хоть выжимай. Берен тронул воспитанника за плечо, вырывая из когтистых лап кошмара. Тот подскочил как ужаленный, ничего не видя и не соображая, судорожно глотая воздух. Мужчина прижал ребёнка к себе, успокаивая и чувствуя, как сердце бьётся испуганной птичкой. Невольно вспомнилось, что днём Арвиэль примчался домой взволнованный и без слов бросился наставнику на шею, хотя обычно ласковостью не отличался.

– Снова *это* приснилось?

– Да... И я опять не мог им помочь, только скулил, как паршивый щенок...

– Поплачь, Арвиэль. Станет легче, вот увидишь.

– Я не умею плакать, – отстранившись, мальчик вытер костяшками сухие глаза.

– Ты должен их отпустить.

– Я попробую... – воспитанник поднял на Грайта безумный, совсем не детский взгляд. – Дядя Берен, вы же не заболеете и не умрёте?

– Нет, конечно! – мужчина не на шутку испугался. – С чего это ты вдруг?

– Не надо, пожалуйста, мы с Симкой очень не хотим вас потерять.

* * *

Арвиэль соврал, чтобы не пугать наставника. Ему приснился не кошмар, терзавший уже полтора года.

...Поздняя осень. Лес пустой, чёрный и холодный. Пронизывающий ветер вместо листьев срывает с голых ветвей вороньё, и птицы отвечают ему хриплым граем. Земля чавкает под ногами, мнутся мёртвые стебли трав. На кладбище много могил, но только одна заставляет сердце сжиматься до боли. Мелкий дождь кропит три слова на сером надгробии: «Береник Славий Грайт».

Так одиноко и холодно, что хочется выть...

Отныне мальчик избегал Агафью, но мерзкая баба, точно гриф, почуяв слабину, подкарауливала на улицах, выливая на его голову очередной ушат ужасов, которые непременно должны случиться с его наставником. Аватар долго держался, зная, что тётка только и ждёт повода попенять Берену на неуважение воспитанника к старшим. А ему нельзя нервничать, вдруг и правда заболеет?

Но в конце концов даже аватарьему терпению пришёл конец.

* * *

Стояла поздняя осень. Набрякшее низкое небо угнетало и, казалось, ещё больше при-
нижало самооценку Арвиэля, возвращавшегося с рыбалки почти без улова: в ведре плес-
кался пяток небольших окуней, а щучка попалась такая мелкая, что пришлось выпустить к
полному негодованию кота Симеона. После такой неудачи настроение и вовсе расклеилось,
как и старые сапоги.

Обед ждал на печи, но Берен не встал с постели, чтобы присоединиться к рыбакам.
Только тихо поздоровался, так и не повернувшись лицом. Уже второй день Берену сильно
нездоровилось, хотя он и старался скрыть это, дескать, просто старые раны разнылись.

– Вы уже пообедали? – Арвиэль, чувствуя смутную тревогу, подошёл к топчану.

– Я не хочу, малыш, ешьте, пока горячее, – голос наставника был хриплый и слабый.
Аватар машинально положил руку ему на лоб.

– Да от вас парит как от печки! – Арвиэль силком заставил человека лечь на спину.
Щёки пылают, губы сухие, глаза блестят. – Я сбегаю за лекарством к Феодоре, а ещё лучше,
её саму приведу.

– Не стоит. – Берен вяло улыбнулся. – Чего человека беспокоить из-за обычной про-
студы?

Но Арвиэль уже набросил куртку и, не застёгиваясь, выскочил за дверь, на ходу бросив:

– Симка, присмотри за ним!

Из сбивчивых объяснений Феодора поняла только, что дело дрянь.

– Идём-идём, только народ отпущу, – руки знахарки быстрее запорхали над кульками
со снадобьем.

В ожидании Феодоры мальчик вышел на улицу, но, едва прислонившись к стене, сполз
вниз, уронив лицо в руки. Несмотря на стылую погоду, ему было жарко. А бедному Берену
наверняка ещё жарче. Осень щедро раздаривала болячки, и горожане рвались к Феодоре как
мотыльки на огонёк, но Арвиэль сидел под дверью, как цепной пёс, заворачивая каждого
деревянной фразой:

– Извините, она занята, приходите вечером.

Непонятно, что понадобилось в аптеке Агафье, во всяком случае, выглядела жена
ростовщика цветущей, а прийти за лекарством для мужа она бы вряд ли подумала. Арвиэль
машинально ответил ей то же, что и всем, и пронырливая тётка сделала стойку.

– Что, заболел-таки наставник? – с деланным сочувствием богомолка покачала головой.

– Не ваше дело.

– Говорила я тебе, отринь веру свою поганую, лохмы остриги. Босым, да в рубище,
в скит божий ступай грехи замаливать, обет целомудрия прими, дабы не осквернять землю
Господню отпрысками нечестивыми...

Утреннее недовольство помножилось на тревогу и злость. Арвиэль резко встал:

– А вам, уважаемая, не пойти бы в баргузу?

Воодушевившаяся было тётка захлопнула рот.

– Ч-что?

– Шушелю в баргузу, – повторил мальчик. – Такой хывре, как вы, там самое место.

Лицо женщины пошло пятнами. Она обвела собравшихся у аптеки горожан злым взгля-
дом:

– Люди добрые, слышали, что этот нелюдь бормочет?! – Однако ни люди, ни тем более
нелюди заступаться за неё не спешили. – Да как ты смеешь, паршивец?! Да чтоб у тебя
язык...

– С моим всё в порядке, а вот вашего языка постеснялась бы распоследняя портовая ковжупень, которую за бутылку рыхного пойла кудрит матросня за трактиром. Так что отрежьте его и засуньте себе в баргузу. И если вы ещё раз сунетесь ко мне или к Берену, я сам это сделаю, понятно?

Арвизель ожидал, что Агафья примется орать на всю улицу нечто вроде «Спасите, люди добрыя! Нелюдь поганый живота лишить грозитя!». Но та поджала губы и, растолкав народ, пошла прочь, прямая как палка.

Аватар понимал, что поступил плохо, но почему-то свидетели мерзкой сцены одобрительно ухмылялись вместо того, чтобы за ухо тащить его к Берену.

Тем временем и Феодора вышла.

* * *

Стараниями знахарки, заботой Арвизеля и стряпнёй Марты наставник выздоровел очень скоро.

А байка о том, как мальчик-нелюдь отбрил саму Агафью, долго передавалась из уст в уста и в городскую летопись вошла обросшей ещё более смачными оборотами.

Глава 4

Звериная тропа

Из простой деревянной рамки хмурился подросток со светлой, слишком нежной для мальчика кожей, ярко-изумрудными, чуть раскосыми глазищами и тонким профилем. Брови, правда, довольно широкие и чёрные, но всё равно слишком уж ровные, будто нарочно пинцетом выщипывал. Пару лет назад мальчишка был всего лишь хорошеньким ребёнком (но так обо всех детях говорят, даже страшненьких), а теперь его называли красивым. Всё чаще и чаще. Паренёк прекрасно понимал, что внешне отличается от людей не только острыми ушами, знал, как его обсуждают за глаза. Это раздражало и обижало. Среди соплеменников он выделялся разве что вьющимися локонами, а здесь... У людей красивыми принято называть девушек. А парень должен выглядеть как парень.

Взъерошив без того растрёпанные волосы до плеч, мальчишка свёл брови к переносице, став похожим на сыча, даже глаза пожелтели от усердия:

– Вот так ему и скажу!

– Не-эт, хозяин, так не скажешь... – дремлющий на диване кот лениво потянулся с когтями врасстырку.

Мальчик задрал брови, отчего глаза выкатились из орбит, от уха до уха растянулась ухмылка не единожды падавшего из люльки дурачка, оставалось слюну пустить попенистее – и напрямик на паперть тающую денежку зарабатывать.

– А так он тебя к Феодоре пошлёт, головушку лечить...

Паренёк выгнул грудь колесом, задрал подбородок и сморщил нос, пытаясь из прямого состряпать суровый орлиный, как у того, с кем предстоял «сурьёзный» разговор, а вернее всего, жёсткая пикировка.

– Ты ишшо усы из мочала нащипай...

– Я из твоего хвоста нащипаю, – усмехнулся мальчишка, став самим собой. За несколько лет общения с низшими расами презрительность во взгляде сменилась иронией, что по-прежнему внушало эльфёнку чувство собственного превосходства, но уже не возмущало окружающих.

– Так лучше... – одобрил домовой.

* * *

– Куда-а?! – благим матом возопил наставник, не дослушав пылкую, тщательно продуманную речь.

– В городскую стражу.

– Нет!

– Почему?

– По кочану!

– По кочану деда воровали в старину, а нынче внуки воруют по два?

– Да! – машинально рявкнул Берен, несносный мальчишка торжествующе ухмыльнулся (мол, чего и требовалось!), и побагровевший мужчина топнул ногой. – Нет! Арвизель, почему именно к этим... стражникам?

Вместе с воздухом Арвизель набрался мужества и на выдохе признался:

– Потому что я похож на девчонку. А если буду служить в охране, ко мне начнут относиться как к парню.

– На девчонку?! Каким это местом? – Берен запоздало спохватился о двусмысленности вопроса, но воспитанник даже не заметил.

– Да вы сами послушайте, что обо мне горожане говорят! А зелёный вообще оборзел, кудрить его...

– Арвиэль!

– Извините. Знаете, что он мне в окно подбросил? – аватар выдержал трагическую паузу и развёл руками: – Венок! Из ромашек с василёчками! А к нему записочку, мол, приходи за гумно, пошепчемся. Лучше бы булыжником, как раньше, залепил, хыврюк!

– Арвиэль! – Берен шибко сомневался, что венок с запиской – дело рук Эртана, разве что у «хыврюка» вдруг выросли косички. Да, раньше мальчишки дрались за гумном, но теперь у орка своя пивоварня, трактир вот-вот откроется, и вообще хлопот полон рот, а Арвиэль целыми днями пропадает в лесу – на охоте либо с волками.

– Скоро четырнадцать лет, как я – Арвиэль. И до сих пор сижу на вашей шее.

Берен Грайт мысленно вздохнул. Ах, вот в чём дело! Просто Арвиэль вырос. Аватары вообще существа самостоятельные, с малых лет могут сами себя прокормить. Конечно, детей воспитывают родители, добывают еду, обучают, но как только в семье появляется второй ребёнок, старший делит обязанности с отцом и матерью по отношению к слабому. Пока Арвиэль считал себя недостаточно сильным, он позволял Берену заботиться об их маленькой семье. А теперь слабым стал человек.

– Ничего, ты не тяжёлый, – отставной военный подошёл к нахохленному аватару, косящему в угол, потрепал по плечу: подросток был ниже его всего на полторы четверти, да и то потому что привалился спиной к печке.

– Я же не совсем идиот. Дядь Берен, у нас деньги заканчиваются.

– Ну... пока ещё нет, – осторожно возразил Берен.

– Вот именно – «пока». А к Ярице будет – «уже».

– Как-нибудь перебьёмся. Ты с охоты и рыбалки такие уловы таскаешь, что половину всё равно на продукты вымениваем.

– А одежда? Обувь? Я расту как на дрожжах. А лекарства для вас? – не унимался мальчик.

– Я что, немощный дед, как пасечник Лесович?! – вспыхнул Берен. – Могу лес валить! Могу в поле работать! Дровишек кому поколоть, крышу починить...

– Пол вымыть, – подсказал Арвиэль. – Это несолидно для господина вашего статуса.

– Кхы! – Берен уже тысячу раз успел пожалеть, что купил воспитаннику книги. Мальчишка надергал оттуда «взрослых» словечек, о каких его сверстники и не подозревали, наловчился ими жонглировать, как заправский оратор, и мог одной фразой заткнуть собеседнику рот. Даже Агафье. – И что же, по-твоему, для меня солидно?

– Нечто более достойное для человека, прошедшего Алую Волну бок о бок с самим императором, получившего лично от него звание, награды и именную саблю и спасшего не одну жизнь, включая мою.

– Э, как завернул! – Берен восхищённо огладил усы, затем махнул рукой. – Нет здесь ничего подходящего, а если ты надеешься, что я захочу сместить капитана Прокопия, то зря. Правильно ты говоришь, я войну прошёл, награды имею и спиваться с этим сбродом не хочу. А коль я со стражей за один стол не сяду, они меня не примут, им, вон, Прокопий вместо бабки. И тебе с ними делать не-че-го! Точка. Ищи другую работу.

– Какую? Вышибалой в трактире Кирима? Так вышибать некого, все свои. Овец у Бриенны с Лемехом пасти? Их дочка Берта сама прекрасно справляется. Я бы к Сидору в подмастерья пошёл, только гном эльфа в свою кузню как клиента пустит. Но не за наковальню.

– Арвиэль, ответь честно: почему стража?

– Потому что я – аватар. И Северинг – моё логово, которое я должен защищать.

Это нечем было крыть. Разве что отрубить аватару крылья.

– Ладно, поговорю с Прокопием после Живицы. Но не гарантирую, что тебя примут.

– Примут, – уверенно сказал Арвизель. – Главное, чтобы вы за меня словечко замолвили.

«А потом я за вас...»

* * *

Погода на Живицу стояла ясная, и праздник прошёл как надо, с огромным костром посреди убранного поля, на котором торжественно сожгли последний снопок пшеницы, с яблочной наливкой и медовухой, поросятами на вертелах, песнями, танцами и молодецкой потехой. Понимая, что скоро жизнь круто изменится, равно как и отношение к нему горожан, Арвизель не стал кочевряжиться и тоже пошёл на гульбище. Кружился в хороводе, отплясывал с девчонками, а под вечер хлопнул чарку медовухи, с треском порвал на себе рубаху и вызвал на кулачный бой всех, кому не лень. Горожане, стражники в том числе, жест оценили: во-первых, выглядело смачно, во-вторых, под кожей худошавого мальчишки перекачивались литые мускулы. И ленивых не нашлось.

Берен только головой покачал: ребячество, показуха. Аватар наизнанку выворачивался, чтобы хоть немного приблизиться к местным и их обычаям. «Вот горе луковое», – думал бывший сотник, когда почти на себе тащил его домой, изрядно помятого, поддатого и абсолютно счастливого – мальчик видел, как наставник беседует с Прокопием. А радоваться было нечему. Теоретический порядок в маленьком окраинном городке поддерживали два десятка стражников и капитан – этого хватало, а в случае нападения почти все мужчины могли взять в руки оружие. Свободных мест в охране не было, и плодить новые не имело смысла.

Но не было бы счастья, да несчастье помогло. В коростене один из стражников, уже глубоко в годах и зашибающий наравне с Прокопием, поскользнулся на льду и сломал бедро. О том, чтобы вернуться в строй, речи не шло. На ноги бы встать.

На тёпленькое местечко в страже, естественно, потянулись желающие. Арвизель ни о чём больше не просил, после Живицы замкнувшись в себе, и Грайт тайком от воспитанника натянул потёртый мундир, повесил ордена Лютия Неукротимого «За героизм и отвагу» и Федерика Арка «За преданность и верную службу престолу», подумав, добавил медали, взял подарочную шпагу-трость, прихватил две бутылки наливки, которую берёт на Ярицу, и пошёл к Прокопию в гости, чувствуя себя селянином с челобитной.

Сперва отставные поговорили о том, о сём, постепенно превращая настойку в наливку, то бишь разливая её по чаркам, затем Берен перешёл непосредственно к делу.

– Берен, я тебя уважаю, но ты – дурак, – Прокопий даже протрезвел немного. – Сколько твоему пареньку? Двенадцать?

– Почти четырнадцать.

– Он же худющий, как щепка. Щелбана дай – и дух вон.

– Арвизель не худой, а жилистый, – возразил Берен. – Ты же его видел на Живицу.

– Видел, ага. После чарки Миронова креплёного даже Лесович берсеркером станет, – усмехнулся Прокопий, но Грайт уловил в его голосе сомнение.

– Ты ему хоть шанс дай, а то он сам себя живьём сожрёт. К тому же Арвизель всё-таки на порядок приличнее любого из твоих стреляет, может, заодно и подучит.

На том и порешили.

Арвизель пришёл на смотр вместе с другими кандидатами, Берен – с толпой зевак. Мамки, батьки, братья, друзья поддерживали своих, создавая на площади невообразимый гвалт. Грайт молчал, не мешая воспитаннику наблюдать за техникой относительно молодого, вечно пьяненького Геварна, пятиминутный бой с которым должен был выдержать кандидат.

Если таковых наберётся несколько, обрабатывать их будет более опытный дядька Темар. За ареной со снисходительной улыбкой наблюдал беловолосый полукровка Аким – самый рослый, сильный и умелый среди стражников, про таких говорят: «С мечом родился».

Несмотря на танцующую походку (орудуя клинком, стражник умудрялся попутно прикладываясь к протягиваемым ему бурдюкам и бутылкам), Геварн на удивление легко и быстро разделявал под орех кандидатов одного за другим – тупые тренировочные мечи так и летали через ограждение из канатов, и тогда в толпе над головами поднимались тазики. Берен даже несколько смягчил мнение о страже: пить-то пьют, да дело разумеют.

Когда дошла очередь до Арвиэля, аватар даже на меч не посмотрел.

– Я не буду с тобой драться.

– Это почему? – опешил Геварн.

– Покалечу, – нахально заявил мальчишка. – С ним, пожалуй, сойдуся.

Акиму, которому адресовался вызов, даже в лице не изменился. Недаром его прозвали Скалой.

– Не зарывайся, – пока что по-доброму посоветовал Прокопий. – Не то выпшвырну вон.

– Это расовая дискриминация и ущемление в правах гражданина Неверрийской империи негосударственного вероисповедания.

– Чего? – окунем вытаращился капитан. Толпа озадаченно притихла.

– Аким, я вызываю тебя на поединок, как равный! – в наступившей тишине голос мальчишка звенел сталью.

Северянин фыркнул.

– Трусишь, что ли? – прищурился аватар.

Аким беззлобно отмахнулся, считая выше своего достоинства пререкаться со шмакодявкой. Зато ожил Прокопий и полез под канаты:

– Ну-ка пошёл вон отсюда! – попытался сгрести поганца за шиворот, но тот уже стоял за спиной. Ветром сдуло, что ли?

– Аким! – Берен видел, Арвиэль начинает злиться, а это плохо. Очень плохо.

– Да уважь ты его, Аким, пуцай угомонится на месяцок-другой! – выкрикнули из толпы.

– Точно! – подхватил кто-то из баб. – Мой на морозе уже четвёртый час коченеет, а этот только мозги полощет!

Нестройный гул поддержал зачинщиков, и Прокопию пришлось отступить, а Акиму – уступить. С обречённым вздохом, мол, ладно-ладно, только над ухом не жужжите, северянин бросил меч и дёрнул канат за узел, распуская ограду вместе с колышками, которые вбивали кувалдой. Очистив верёвку от лишних «щепок», Аким намотал часть на руку, свободный конец макнул в бочку со студёной водой, превращая в хлыст. О-о, идея зевакам понравилась!

– Запоёт как соловей, когда по хребту протянешь!

– Иди лучше в трактире спой, соловей, – серьёзно посоветовал Аким.

– А я петь не умею, – насмешливо отозвался Арвиэль.

Аким пожал плечами и выписал канатом свистящую восьмёрку, взметнув позёмку у самых ног Арвиэля. Тот не шелохнулся, отлично чувствуя разницу между предупреждением и атакой.

Северянин одобрительно кивнул и снова взмахнул верёвкой, уже переходя в наступление. Щёлк! Щёлк! Казалось, зарвавшегося пацана вот-вот заарканят тройной петлёй, и покатится он кубарем, моля о пощаде.

Не тут-то было! Берен слишком хорошо знал воспитанника.

Канат бесполезно лупил по земле, не причиняя нелюдю ни малейшего вреда. Арвиэль стоял на одном месте, лишь в последний миг уклоняясь от импровизированного хлыста. Он

походил на поплавок, с бока на бок слегка колеблемый течением, недостаточно сильным, чтобы сместить в сторону.

Акиму сердито посоветовали не нежничать, и неизвестно, чем закончилось бы дело, но тут аватару надоел этот спектакль. Он прижал носком мочалистый кончик и перехватил пеньковую волну на излёте. Верёвка несколько раз послушно обвилась вокруг предплечья Арвиэля, а сам мальчишка вдруг завертелся-закружился, наматывая её уже на корпус и стремительно приближаясь к Акиму. Уход вниз и подсечка.

В какой-то момент мужчина по необъяснимой причине потерял равновесие и упал... Пришёл в себя уже на земле, связанный по рукам и ногам, а верхом сидел эльф, заложив ногу за ногу.

Горожане безмолвствовали. Сперва ошарашенно, затем возмущённо: поединок закончился внезапно, притом неожиданный финал никто не разглядел – слишком быстро всё произошло.

– Да Аким поддался! – снова крикнул провокатор.

– Точно!!!

Аким с трудом повернул голову набок и, плюнув розоватым снегом, спокойно сказал:

– Я не поддавался. Слазь давай, задница костлявая.

– В шесть утра без опозданий, – переглянувшись с Береном, бросил через плечо капитан.

– Я помню, когда у вас пересменка, – ответил новобранец, но никому до него не было дела. Горожане расходились по домам обсуждать самую неинтересную на их памяти драку...

В жарко протопленной Симеоном избе мальчишка вдруг страшно заколотило.

– Берен, мне плохо. Внутри как будто всё горит и душит, и очень хочется что-нибудь сломать. Желательно, об кого-нибудь.

– Снимай рубаху, выходи за дверь, – прекрасно понимая причину, Берен зачерпнул ведром из бочки, вышел на улицу и с размаха окатил мальчишка с ног до головы. Прохожие не удивились: обычно Арвиэль проделывал этот фокус самостоятельно, и к нему давно привыкли.

– А-а! Животинку Божию со свету сживають! – заорала проходившая мимо Агафья, на которую попало несколько капель.

– Иди уж, животинка, – огрызнулся на неё Берен, за плечи разворачивая обмякшего воспитанника. – Полегчало?

– Ещё как! Просто Аким, он...

– Аким не виноват в том, что родился полукровкой. И его мать не по своей воле от бербериянца зачала.

– Поэтому я его и не убил. Постараюсь к нему привыкнуть.

– Молодец, малыш... Хотя какой же ты теперь малыш.

* * *

Поздней осенью в Сумеречном лесу почти не бывает снега. словно природа копит мощь, чтобы в первые же дни зимы завалить всё сугробами по колено, резко контрастирующими с чернотой деревьев, ценящихся на рынке на вес золота.

В сухом прозрачном воздухе издали слышались ржание и визг лошадей да окрики конвоиров. Вот дзенькнул болт. Короткий болезненный вскрик и эхо многоголосого шёпота. Теперь, когда перед глазами вот-вот замаячат глухие ворота поселения, любой из осуждённых мог сорваться. На лесоповал в Сумеречный лес их вели погибать. От холода, голода, недостатка света или от лап хищников, нечисти и нежити. Потому и бежали, предпочтя мгновенную смерть от болта неизвестно чему, наверняка страшному и мучительному.

В поселении царило оживление, сосредоточенное и деловитое. На дороге показались всадники, за ними тянулся обоз с провиантом на долгую зиму, который замыкала клеть, плотно укрытая дерюгой, а последними обречённо брели под прицелами арбалетов люди.

– Зверя к нам везут, глянь-ка... – ахнул молоденький веснушчатый охранник, вместе с напарником тащивший на верёвке тяжёлую створку ворот. И пошло по цепочке: «зверь... зверь... зверьзверьзверь...»

– Скольких потеряли?

– Проще сказать, скольких довели!

Обменявшись привычной шуткой, начальник смены и конвоир разошлись. Лошади втащили клетку во двор и стали, порыв ветра подцепил и рванул дерюгу за край. В прутья вцепились толстые пальцы, до ногтей заросшие коротким чёрным волосом. Пахло кровью, потом и нечистотами. Молодой охранник, на беду оказавшийся рядом, помертвел.

– Слышь, кукушонок, я уйду. Передохну маленько и уйду, – это были не предупреждение и не угроза.

* * *

На службу Арвиэль прибежал даже раньше, но, забравшись по лестнице в будку, с удивлением обнаружил, что дозорного на месте нет. Он знал, что стражники – разгильдяи, но не до такой же степени?! А вдруг под стеной уже скопилось войско бесшумных татей...

Арвиэль осторожно (а ну как вражья стрела залетит!) приоткрыл ставенку и выглянул в щель. Объездной тракт пустовал, никакими татями за окошком и не пахло, а пахло снегом, хвоей, навозом и дымом – словом, зимним городом на опушке дремучего леса. Усмехнувшись собственным фантазиям, аватар осмотрелся, стараясь глубоко не вдыхать табачный дым, намертво просмоливший мебель и стены. Света из люка в полу хватило, чтобы впечатлиться залежами пыли в углах и на полках и разномастным сором, вместо ковра устилающим остальное горизонтальное пространство.

Дозорная будка с маленькими окнами на четыре стороны была довольно просторной и обустроенной под жильё. Один угол занимала небольшая печурка, рядом с которой стояла кадушка для воды, с противоположной стороны помещались приземистый, но широкий стол, а под ним – восемь табуретов. Полки на стенах захламлены чем попало – от стаканов до непонятной конструкции из гнутых гвоздей. Имелся и тёмный от времени шкаф, но как Арвиэль ни дёргал занозистую ручку, он не открылся, а ковырять в скважине гвоздём аватар постеснялся. Значит, вот как живут стражники? А на том колченогом топчане, наверное, отдыхают после бдительной службы, накрывшись засаленным лоскутным одеялом, подкопчённым и покрытым пятнами неизвестного происхождения. В качестве проводника в царство безмятежности суровые стражники повесили над постелью портрет лохматого мужика по имени «ЗВЕР...» (нижний угол оторван), причём не ручной работы, а отпечатанный в литографии. Но что бы этот «Звер» ни совершил, удостоившись чести попасть в розыск, гвоздь во лбу навеки упокоил его на стенке захолустной караулки.

Внимание привлекла большая тетрадь с потрёпанной картонной обложкой, которую наискосок украшала скачущая надпись: «Свод произшествий». Присев на край стола, Арвиэль перевернул картонку. С титульного листа взгляд штурмовала мастерски сработанная русалка с «таранами» такого размера, что можно Рудный мыс брать. Следующую страничку составляли фольклорные герои типа «вупыр», «вовкалак» и «шляхтень лютый», а также некое подобие дерева: на ветке сидел овал с ушами и надписью «кошка», от коего вниз к подножию тянулись стрелки, обрываясь на кляксе с плавающими в ней глазами за пояснением «быдыщ!» Далее начинались таблицы: по кривоватым графам вразной раскиданы цифры и проставлены палочки. Заметив буквы в правом нижнем углу каждой страницы, Арвиэль

долистал до конца и «прострочил» в обратном порядке, получив фразу, аналогичную орочьей «курваляй ных баргуза», но гораздо более детально описывающую процесс.

– Пресветлая, куда я попал? – захлопнув жуть, прошептал мальчик.

– А я куда, милая? – осведомилась всклокоченная седая голова, растущая прямо из пола. Борода головы вольготно разметалась по доскам, самостоятельно приступив к уборке за неимением рук, пунцовая рожа лучилась обворожительной улыбкой в четыре прострела. Чёрная повязка через глаз довершала образ.

– Господин Сатъян, это я, Арвиэль, – отозвался аватар, сообразив, что полумрак скрал тёмную одежду, и стражник разглядел только светлые волосы и лицо... и опять принял его за девчонку. Едрёна ворона!

– А-а... Вон оне, ельфы-то, какие... – тело, подтянувшееся вслед за головой, не сочло нужным уточнять, какие именно.

– Господин Сатъян, а разве можно с поста отлучаться? – запоздало сообразив, что сидеть на столе неприлично (по крайней мере, когда это кто-нибудь видит), Арвиэль попытался встать, но не тут-то было! Заляпанная столешница оказалась настолько липкой, что штаны приклеились намертво.

– Да ты шо! Ни-ни! – искренне перепугался Сатъян.

– Но вы... – упираясь ладонями в край, Арвиэль напряг мышцы. Что-то треснуло.

– За сугревом ходил. Это можно, хе, – Сатъян достал с полки грязный стакан, обдул, плюнул, повозил по стенкам пальцем ещё «чище» самого стакана, выудил из-за пазухи зеленоватую бутылку, налил до краёв и радушно протянул бьющемуся в корчах «ельфу». – Будешь? Полегчает.

– Ы-ы... а-а-а!

Внезапно стол отодрался. По инерции Арвиэля понесло вперёд, а так как в обозримом будущем маячила дырка незапертого люка, туда парень и нырнул красивой рыбкой. Человек сломал бы шею. Но аватар по-кошачьи приземлился на четыре конечности. Шедшая к журавлю Агафья сперва отпрыгнула, затем брезгливо скукожилась:

– Не успел в дозор заступить, а уже и нажралси, и подралси, окаянный! Тьфу!

Арвиэль проверил штаны и взобрался наверх, предусмотрительно захлопнув люк. Сатъян чуть не выронил стакан:

– Уже сгонял?

– Куда?

– Ну-у, за сугревом. Ты ж как моё увидел, сразу – нырк и тикать. Ну а куда ж, как не за ним, родимым?

– Я передумал, – у Арвиэля вдруг начался острый приступ хохота. Со вкусом попивая «сугрев» на топчане, Сатъян умилённо наблюдал поведение индивида «ельф». Когда бутылка опорожнилась наполовину, улёгся, заложив руки за голову.

– Господин Сатъян, а у меня-то какие обязанности? – спохватился мальчик.

– Гвозди видишь?

– Да.

– Так ты их разогни сначала, а потом снова согни.

– Зачем?

– Положено так, – Сатъян отвернулся к стенке и тотчас захрапел.

Следующие несколько часов Арвиэль разгибал розочку из гвоздей. Инструментов под рукой не было, и приходилось орудовать кочергой и непонятной чугунной кривулей. К полудню в караулку заглянул до предела взвинченный капитан и с ходу набросился на новобранца с безумными обвинениями:

– Где ты шляешься? Я тебя обыскался!

– Вы же сами сказали к шести подходить, – удивлённо возразил парень.

– В тюрьму ко мне в кабинет! А-а, – махнув рукой, мол, о чём с олухом разговаривать, Прокопий бухнул на стол журнал, к счастью, без рухнувших «кошек» и русалок. – Вот здесь, здесь и здесь крестики поставь, и ты зачислен в штат.

– Расписаться?

– Да хоть сморкнись, главное, чтоб графы не пустовали. Ага... – сунув журнал под мышку, капитан ткнул рукавицей в невзламываемый шкаф. – Оружие себе тут подберёшь.

– А как он открывается?

– Вот так! – Прокопий с размаха пнул дверцу в угол... и она рухнула на пол, обвалив следом горку металлолома. Сатьян и ухом не повёл. – Потом приставишь на место.

– Хорошо, – кивнул Арвиэль, пытаясь понять, как из этого месива можно хоть что-нибудь вытащить, не то что выбрать. Сдавшись, перевёл взгляд на портрет – судя по ржавчине, гвоздь тоже был оттуда, но как-то же достали? – Господин капитан, а кто это?

– Это? – Прокопий скривился, словно запавшие под бровями глаза преступника буравили его живьём. – Оборотень.

До конца смены Арвиэль сгибал гвозди, а там и Сатьян проснулся. Похвалил за аккуратную работу и убрал конструкцию на полку до завтра. Аватар сумел разобрать железо, но оружие себе не нашёл. К тому, что валялось в шкафу, без содрогания невозможно было прикоснуться.

– Ну и как тебе первый день на службе? – поинтересовались дома Берен и Симка, встречающие «добытчика» за пыхтящим самоваром.

– Отлично!

* * *

На другое утро Сатьян сдал смену и ушёл отсыпаться домой, оставив Арвиэля наедине с гвоздиками. Над ними-то Прокопий его и застукал, тут же влепив выговор за «порчу казённого инвентаря», после чего велел подмести караулку. Веника к приказу не прилагалось, однако аватар не растерялся и через кулон вызвал Симку. Стоило коту вернуться с зажатой в зубах метлой, из люка внезапно, как домовой, появился капитан и снова устроил разнос, на сей раз уже из-за «животных на служебном месте». Арвиэль попытался робко возразить, дескать, Симеон вообще-то нечисть, но только снова нарвался – «за пререкания с начальством и невыполнение должностных инструкций». А когда выяснилось, что с оружием новобранец до сих пор не определился, ещё и за «нарушение устава». Больше Арвиэль не спорил.

Следующая смена два дня спустя прошла в ночном дозоре, сиречь, бесцельном блуждании по спящему городу в поисках гипотетического татя в течение двенадцати часов, если не считать коротких перекуров. Точнее, курил Геварн, мальчик просто отдыхал. Периодически пересекались с другими разводами, и тогда старший задерживался поговорить, ну а Арвиэль... правильно, стоял молча. Ближе к утру мороз дичал, но северный оборотень не мёрз, зато Геварн прикладывался к бурдюку безостановочно, и в итоге напарника приходилось тащить домой на себе и выслушивать упрёки его жены, дескать, не уследил...

За месяц выяснилось, что какие-никакие, а дела у стражи есть. Драки разнимать; пьяниц из сугробов выуживать (последними нередко оказывались сами стражники, а то и капитан); ночных лазутчиков за стену ловить – с наступлением морозов охотники сменили арсенал прикладной на дистанционный, то бишь капканы, и отчего-то считали, что зверь должен попасться вот именно этой, морозной и ненастной ночью, когда даже волки не воют. К слову, самым удачливым лазутчиком оказался Арвиэль, который тоже ходил угождая проверять, но с противоположной целью: незадачливых «попаданцев» вытаскивать, а ловушки обезвреживать. Аватар любил охоту, но честную, когда ты со зверем один на один.

Существовали и персональные обязанности для новобранца: мусор выносить, дрова колоть и таскать из колодца воду, убираться в кабинете начальства. Никаких тренировок, стрельбищ, построений (или как это у стражников называется), совещаний, даже бумажной рутины. Загадочные шифры в «Отчётнике» оказались результатом игр в карты и кости, «положенные» упражнения с гвоздями – просто развлечением от скуки. Время от времени мужчины куда-то ходили парами или компаниями, но младшего с собой не звали. Только раз удалось поучаствовать в общей потехе: над самим собой. Как-то ночью стражники оцепили старое гумно, заверив, дескать, там завёлся вурдалак, и когда Арвиэль, которому поручили ответственное задание разведчика, вошёл внутрь, захлопнули дверь. Возмутиться мальчик не успел: из угла стремглав летела мелкая чёрная тварь с зелёными глазами и полыхающей пастью. Лежать бы «нежити» с оторванной башкой, да волчий нюх вовремя уловил знакомый запах, и мгновение спустя уложенная на лопатки добыча отмахивалась от слюнявого языка дворняги Майки, вымазанной углём и подсвеченной фосфорной краской. Стражники хохотали как бешеные. Правда, отметили, что новобранец не заорал от страха.

Аватар понимал, что его банально хотят выжать из стражницкой братии, но это только придало сил и злости, и мальчик решил стоять до победного.

От нечего делать Арвиэль занялся приведением в порядок арсенала: мечей, ножей и арбалетов. Ничего из этого даже ради службы аватар не мог назвать «своим», но оружие напоминало старую собаку, хромую и ослепшую, отслужившую хозяину верную службу и выброшенную за ненадобностью на помойку. С клинком на коленях и точильным бруском в руке его, по локоть перемазанного в ржавчине, увидел Аким, пришедший на смену.

– Зачем возишься с этой рухлядью? – поинтересовался полукровка: своё оружие он содержал в отменном порядке, а до прочего ему дела не было.

Мальчишка перевернул меч обработанной стороной вверх и медленно провёл ладонью по железу – не блестящему, конечно, но хотя бы чистому.

– Клинок – живой. Чувствует, как ты к нему относишься, и тем же отплатит в бою. У вас есть какое-то поручение для меня? Может, воды принести?

– Да нет, полируй, – пожал плечами Аким и сам пошёл к колодцу.

Кульминация наступила на Ярицу. Ночью по всему городу запылали костры, и люди, обряженные скоморохами, зверями и нечистью, устроили настоящую свистопляску, задабривая зимушку Ледяную Деву, чтобы не особенно ярилась. Стражники улучили минутку и собрались в караулке всей братией, даже об Арвиэле не позабыли. Идея эта аватару не нравилась, он предпочёл бы, как и прежде, остаться в стороне. Но отделяться от стражников не стал, стойко смотрел на мутную струю самогона, льющуюся в покорёженный шлем, не раз спасавший Прокопия на гражданской войне. Все, как и полагается, по очереди поплевали в него, и шлем пошёл по кругу.

Когда «братская чаша» наконец вернулась к мальчику, того трясло как в лихорадке.

– Пей, коли нас уважаешь, – негромко, но жёстко приказал капитан.

Не отрывая взгляда от чаши, Арвиэль облизнул пересохшие губы. Спирт всё обеззараживает, доказывал разум, но желудок решительно протестовал, то скручиваясь морским узлом, то стучась о грудную клетку взбесившимся зайцем. Аватар может многое пережить и вытерпеть, но это было не унижение даже, а изощрённое издевательство. Отец в Хрустальных Чертогах наверняка рвёт и мечет от ярости...

Но если аватар сражается до победного, его остановит только смерть.

К счастью, самогон попал в то горло, иначе Арвиэль околел бы на месте. Казалось, он проглотил магический огнешар, только воняющий не дымом, а чем-то невероятно гадостным. Шар прогрохотал по глотке и тяжело бухнулся в желудок, палом расходясь по всему нутру.

Сморгнув слезинки и стараясь не слишком откровенно хватать ртом спасительный (пусть и с табачным дымом!) воздух, молодой стражник передал чашу дальше. К горлу подкатывала тошнота, но он заставил себя улыбнуться:

– Спасибо. Только, извините, курить я не буду.

– И не начинай, – серьёзно заметил капитан. – Теперь ты один из нас, братец. Ты принят!

Арвиэль обвёл стражников неуверенным взглядом и внезапно понял, что никакие они не изверги и не сволочи. Просто люди, живущие по своим нерушимым правилам и не собирающиеся их менять ради маленького самоуверенного нелюдя. Темар сочувственно протянул солёный огурчик:

– Извини, коли обидели чем, сынок. Но мы в братию абы кого не берём, проверить надо было.

– Я им говорил – хорош уже, а они – давай ещё смену, давай ещё смену, – косо зыркнув на сослуживца, пробасил Аким.

– Так вон оне, ельфы-то, какие, да-а... – отхлебнув из шлема, значительно протянул Сатьян.

– Какие?

Геварн свойски турнул Арвиэля локтем в бок:

– Забойные!

* * *

Мадинка в компании трёх подружек по ремеслу приехала вместе с обозом, везущим запасы на лето, и как-то сразу вписалась в быт, едва спрыгнув с телеги. Рыжая, как закат, хохотушка казалась в чёрном лесу огоньком костра, трескучим, непоседливым и уютно согревающим. Кто из начальства оплатил развлечение, рядовым было знать не положено, а здесь они работали за еду, кров и постель, почти всегда чужую.

– Шебутная девка! – восторженно прицокнул бригадир смены, наблюдая, как хрупкая с виду девушка таскает в кладовую зерно почти наравне с мужчинами.

Она остановилась перевести дух, небрежно отбросила с лица копну волос, вьющихся мелким бесом. «Кукушонок», которого на самом деле звали Рысем, увидел это и понял, что попал.

Мадинка тоже его заметила и отвернула улыбку, так при этом отряхнув юбку от плевел, что у парня с подбородка закапало.

Первым же вечером Рысю свезло рассмотреть девушку вблизи. Кожа у неё оказалась молочно-белой, как у всех рыжих, однако не испорченной веснушками и пятнами, брови и ресницы тёмными, а глаза – пронзительно-синими с золотыми искрами на дне.

Пока заметно повеселевшие охранники развлекались, кладовщик и начальник охраны инспектировали содержимое обоза.

– Я вроде сорок комплектов одежды выписывал, – озадаченно пробормотал старший, сверяясь с бумагами.

В кладовой лежало тридцать девять.

* * *

Раньше Арвиэль относился к дню рождения как к дате, отмечающей, что он стал на год старше, сильнее и ответственнее. На сей раз ему не дали спокойно пропустить собственное четырнадцатилетие. Берен разрешил аватару исполнить священную традицию и добыть «дикое» мясо, но на этом обязанности именинника закончились. Примчалась Марта, пода-

рила белоснежную накрахмаленную сорочку с затейливой вышивкой (оказывается, с лета трудилась!), сунула кулёк засахаренных орешков и, велев сидеть смиренно, забегала между столом и печкой, гремя утварью. Симеон, пойманный ею за хвост над сладкой начинкой для пирога, сдался на милость победителя и, щёлкнув когтями, велел прогуляться по полу сначала метле, а за ней и швабре. Но больше всего поражал Берен, сосредоточенно мастеривший из сухих цветов и тесьмы букетики для гостей. Когда их количество перевалило за третий десяток, имениннику стало дурно. Впрочем, быстро полегчало, стоило развернуть подарок наставника: в коробке лежали двенадцать метательных ножей-рыбок великолепной гномьейковки. Так что именно ремень с руной «В» на массивной пряжке, подаренный сослуживцами, пришёлся очень кстати! Кроме этого, Арвизель получил набор стражника: флягу со спиртом, трубку, десяток гвоздей и плоскогубцы.

Сначала горожане бочком обходили обычно тихую хатку, откуда сегодня доносились хохот и грохот, шарахались от кукарекающего с крыши Геварна (стражник раз за разом продувался домовому в карты, но не терял надежды выставить в трубу самого кота), со стороны делали ставки на Сатъяна и Соррена, ползающих на четвереньках вокруг дома и наперегонки осушающих зулейки⁵.

Затем народ повалил на огонёк по одному, по двое и целыми компаниями. Места стало не хватать, принесли столы и расставили прямо на улице. Приходили не с пустыми руками, а с соленьями, копченьями, печевом и, конечно, выпивкой; появилась гитара, жалейки и гармонь. Кто-то притащил с собой Эргана, но Арвизель не стал портить настроение себе и гостям, тем более что пиво, коего орк захватил целый бочонок, действительно было вкусным.

Наутро у Арвизеля страшно болел живот от невообразимого салата из пива, пирога и смеха, однако аватар пришёл к неожиданному выводу: бардак – это не всегда плохо.

После памятного дня рождения чужак окончательно влился в местную общественность. Осознав это, Арвизель развил бурную деятельность. Безошибочно вычислив «опорных» горожан, парень стал заглядывать к ним уже не только на правах стражника.

Первой по списку стала Марта, почётная травница, мастерица духов, мыла и ароматических настоев. Ради такого дела Арвизель даже склонил голову перед её ножницами. Пока женщина мурлыкала, нанося какой-то состав для «лёгкой» стрижки, расчёсывала и примерялась, насколько укорачивать хаотично отросшую шевелюру, парень подвёл разговор к искомому:

- Вот если вас, к примеру, обидят...
- Да упаси Боже! – от испуга Марта чуть не пробила в доверенной голове лишнюю дырку. – Кому здесь меня обижать? Все свои!
- Это пока свои, но город растёт, почти каждый сезон приходят новые люди. Вдруг кто недобрый заглянет?
- Здесь такие не приживаются! – отрезала травница. – Сами и выгоним!
- А если это будет очень богатый человек? Споётся с Мироном, с Демьяном, с Киримом, будет у Сиды оружие покупать?
- Ну-у, тогда Прокопию, наверное. Он здесь главный.
- А если этот человек будет торговать вином, а Прокопию со скидкой отпускать? – вкрадчиво предположил Арвизель: что такое «взятка», Марта знала.
- О! Я к тебе пойду жаловаться, ты же у нас стражник теперь!
- В подчинении у Прокопия, а посему буду обязан доложить ему об инциденте.

⁵ Зулейка – мерная чашечка объёмом 10 мг. Распространены в обиходе, так как служат рюмками в подобных состязаниях.

– Я бы Берену пожаловалась... – раздумчиво пробормотала Марта, по первым прядкам задавая длину будущей «лесенке».

– А кто он здесь?! – свирепо рявкнул стражник.

– Кто?! – подпрыгнула женщина.

– Вот именно, что никто! Ай-я-а-а!!!

К первозвону пивовар Кирим, краснодеревщик Проний и мельник Мирон вернулись из Стрелецка с весенней ярмарки. Но были так недовольны, что, бросив не распряжённых из возков лошадей на попечение домочадцев, пошли глушить горе к орку в корчму. Стражник знал, в чём трагедия, и подтянулся туда же, заказав себе большую кружку пива.

– Совсем оборзели! – возмущался Проний. – Торговля идёт ни шатко ни валко, а они ещё пошлины так взвинтили, что продаёшь себе в убыток!

Арвиэль картинно поперхнулся пивом – у Кирима оно было на порядок хуже, чем в «Оркан-баре» Эртана, но туда Арвиэль по известным причинам не ходил.

– Но это противозаконно! Срок действия послевоенных льгот ещё не истёк, и любой житель города-резервации имеет право на беспошлинную торговлю в любом городе страны!

– Ты уверен?

– Точно! У Берена спросите, они с Его Величеством эту тему обсуждали. Я краем уха слышал, но раненый тогда был и подробностей не разобрал.

– Господин Грайт настолько хорошо государя Аристана знает? – в глазах Мирона разве что циферки с нулями не зажглись.

– А-а! Старые друзья, – небрежно отмахнулся Арвиэль, будто речь шла о плотнике из соседнего дома, а не об императоре.

К Сиду аватар зашёл якобы подточить «рыбки», понаблюдать за ловкой работой и с жаром, достойным гномьего горнила, воскликнул:

– Сид, твоё оружие заслуживает лучшего покупателя!

– Это какого?

– Армии Его Величества.

– Да ты что! – гном иронично усмехнулся. – Я-то не против, только так она Сидора Чернорудного и ждёт.

– Будет ждать, если капитан личной охраны Рэйвен Гром о тебе узнает.

– Ха-ха, от тебя, что ль, сынок?

– Я-то его видел мельком пару раз, а вот с Береном они вместе служили.

– Ага, – коротко и веско подытожил гном.

Таким образом без спешки и суеты к исходу травцвета Арвиэль обработал всех, кого надо, и ни разу при этом не солгал. По его мнению, Берену давно пора было отбросить никому не нужную скромность и выйти из тени тем, кем он является на самом деле: ветераном и героем Алой Волны, умелым солдатом и патриотом, одним из немногочисленных друзей Его Величества и просто человеком с обширными связями, которые могут быть полезны городу. Их дому.

Успешно покончив с первой частью плана, Арвиэль затаился. Северинг как большая деревня: в одном конце чихнут, посередке нос утрут, с противоположного края здоровьица пожелают. О том, что власть в городе не оформлена, судачили все, правда, за спинами стражников и потенциального кандидата, так что Берен с Прокопием даже немного сдружились под напором странно оценивающих взглядов толпы. Оставалось «обработать» самого капитана, только очень осторожно: легко послать может, с затрешиной, а то и пинком.

– Что, сынок, хе-хе, умаялся? – поинтересовался Темар, глядя, как юный стражник валяется на топчане, плюя в потолок.

– С чего бы? – удивился Арвиэль.

– Иной раз языком тяжелее чесать, чем камни на баррикаду выкорчёвывать. Но ты погоди, – дядька жестом остановил встрепенувшегося паренька, – глядишь, оказия сама подвернётся.

Проницательный Темар оказался прав: в скошене в самый разгар уборочных работ из столицы нагрянули сборщики налогов. Половина населения высыпала поглазеть на крытый экипаж, запряжённый парой гнедых, и всадников в гвардейских мундирах, вторая половина, смекнув, что к чему, спешно прятала кубышки.

Сам чиновник был длинноногий, как журавль, и непрошибаемый. По его словам вышло, что Северинг задолжал казне заоблачную сумму.

Прокопий, принимавший гостей в своём кабинете, удивился. После Алой Волны, когда люди чуть ли не под корень вырезали сограждан-нелюдей, молодому императору Аристану из рода Эскабиан, занявшему место обезумевшего отца, пришлось в спешке улаживать межрасовый конфликт, иначе не избежать было войны с Орканом, Рудным мысом и Силль-Миеллоном. В том числе от уплаты государственных налогов освобождались города-резервации вроде Северинга, где находили приют беженцы всех рас, – не навсегда, конечно, а до тех пор, пока новостройка не превратится в стабильный источник дохода. И срок действия льгот ещё не истёк.

– В связи с расширением и комплектацией армии расходы казны возросли настолько, что Его Величеству пришлось изменить решение, – монотонно нудил чинуша, подсовывая Прокопию документ с гербовой печатью. – Указ вышел ещё в славице, но неудивительно, что до вас не добрался – уж больно далеко от цивилизации поселились.

Вертевшийся рядом Арвиэль тоже ухитрился сунуть нос в бумажку.

– А это печать *самого*, да?

Мужчина презрительно посмотрел на лохматого тощего паренька с улыбкой законченного придурка. Впрочем, по его сведениям, весь город состоял из таких вот... «умников».

– Да.

– Ух, ты! Я шас! – остроухого как ветром сдуло.

Вернулся он через пять минут, запыхавшийся и ещё более взъерошенный, и шлёпнул на стол весьма потрёпанный лист с печатью и текстом такого содержания: «Мы, Аристан I, Самодержавный Правитель Неверрийской империи...»

– Во! Наградная грамота Берена!

– Что? – растерялся чиновник.

– Вот это – настоящая печать, а у вашего грифона крылышки коротковаты, – смачно, как «побратимы» учили, харкнув на палец, аватар свёз грифона в угол листа, – да и вообще мутный он какой-то. Чернила за сколки небось покупали?

– Чё? – тупо переспросил человек, и аватар, посерьёзнев, укоризненно покачал головой:

– Вы арестованы за фальсификацию документов, антигосударственные махинации, хищение денежных средств в особо крупных размерах и осквернение имени Его Величества.

– А-а-а! – возопил сборщик, отрывая от себя Геварна и Соррена, без капитанского указания действовавших осторожно и вежливо. – Я буду жаловаться!

– Мы тоже, – многозначительно пообещал Прокопий.

...Капитан трагически обнимал голову над чистым листом бумаги, Арвиэль по старой памяти наводил порядок в кабинете, хотя его давно избавили от «почётной» обязанности: лжемытарь безуспешно пытался удрать, устроив разгром.

– Господин капитан, он вашу свиристелку разбил... – парень с сожалением смёл в совок останки глиняного глухаря. – Надо ему ещё за порчу личного имущества впилить!

– Какое, к шушелю, впилить?! – взревел капитан. – И так мороки с этими уродами выше крыши! Может, отпустим, а? Их же кормить надо, поить, вопли их слушать...

– А ещё зачитывать права, заполнять протокол задержания, вызывать из Стрелецка уполномоченных и отправлять в тюрьму.

– О-о-о! Давай ты оформишь, а? Ты ж у нас парень грамотный и толковый. А я тебе отгул дам! Даже два!

– Извините, не уполномочен. Так что сия ответственность возложена на вас, господин начальник.

– Я бы с радостью переложил эту ответственность на *своё* начальство, – простонал Прокопий.

Арвизель замер в задумчивости с метлой в обнимку.

– Главнее капитана в городе только градоправитель. Ну, человек такой с бляхой и тростью, – пояснил он.

Капитан, уже практически утопивший себя в болоте отчаяния, поднял голову:

– Так у Берена есть трость... А бляху Сид выкует!

* * *

Берен уважал законы аватар, но, как человек, не мог смириться с тем, что четырнадцатилетний мальчик стал единственным добытчиком денег в семье. Поэтому, когда воспитанник не видел, выходил в поле, заодно и скопившийся жирок стряс. Жёсткая оленина, которую исправно носил Арвизель, порядком надоела, и сейчас Берен, плюнув на экономию, чистил картошку на второе, а в печи томились щи из сочной свинины и чёрной капусты. Симка давился слюнями над полосатым шматом сала. Внезапно кот повёл ухом и вспрыгнул на подоконник, упираясь передними лапками в стекло:

– Ва-ау! К нам делюха-ация!

Убедившись, что щи вот-вот закипят, господин Грайт вышел на порог, походя вытирая руки. И сразу смекнул, что дело нечисто: делегация больше походила на демонстрацию, не уместившийся на улице народ оседлал крыши, сараи и прочие «трибуны». Возглавлял нашествие капитан Прокопий Вёдро, в шаге от него стояли почтенные мужи Северинга.

– День добрый, господин Грайт!

– И вам добрый, – ответно поздоровался Берен, недоумевая, с чего капитан вдруг снова «завыкал». – Что-то случилось?

– Дело у нас к вам важное, дозвоьте изложить.

– Д-дозволяю, – поперхнулся бывший сотник, выскивая глазами воспитанника.

Откашлявшись, Прокопий прижал к груди руку со смятой бумажкой в кулаке:

– Так вот, э-э... Дело! Кхе. До сего дня жили мы в Северинге, как у императора за пазухой, и горя не ведали. А нынче оглянулись на прошлое и поняли: власть дела у нас есть, а власти слова – нету! – капитан обернулся, верная стража поддержала его кислыми рожами, дескать, хреново всё. – Мы – простые солдаты, пахари и ремесленники, нет среди нас человека, готового ответ перед вельможами столичными держать да писульки... то есть бумаги важные составлять. Нужен нам в головах тот, кто и грамоту понимает, и с законом ладит, и с властью имущими говорить умеет. Э-э... – Прокопий развернул шпаргалку: – И посему мы, добропорядочные жители Северинга, города-резервации с прифигли... приври...

– Привилегированным, – шёпотом подсказал знакомый голос.

– ...Приви-кхе-кхе-нным статусом, назначаем тебя, Береник Славий Грайт, на ответственную должность градоправителя! Ура!

– Ура! – троекратно гаркнули стражники, но последнее «ура» потонуло в многоголосом рёве.

Мокрое полотенце комком теста шлёпнулось на приступок. Рядышком обвалилось второе тесто, не забыв подрыгать задней лапой.

Из-за широкой спины капитана выглянула лукавая физиономия, коей Грайт немедленно погрозил кулаком, но воспитанник только руками развёл, мол, это всё они, а я вообще мимо пробежал.

Из хаты потянуло выкипающими щами, и Берен понял, что теперь расхлёбывать придётся не только их.

* * *

Рысь не спрашивал, почему в каше солонины гораздо меньше, чем он принёс, и отчего хлеб портится так быстро, что из него сразу делаются сухари – главное, Мадинка стряпала для него, и у неё выходило на порядок лучше повара. Только однажды поинтересовался, зачем девушке понадобился кус полотна, но та с грустным вздохом показала перелатанную исподнюю рубашку, и все вопросы отпали. Мадинка оказалась бережливой, сразу на обновку ткань не пустила, а отложила до времени, понимая, как трудно было это украсть.

В осеннем обозе уехали её подружки и кладовщик, пойманный на крысятничестве: хоть мужик убеждал в своей невинности, припрятанная в шкапчике жратва доказывала обратное. Таких из поселения сразу гнали взащей.

Мадинка осталась зимовать, не испугалась ни морозов, ни каторжников, звереющих с холодами. Девушка полностью взяла на себя обязанности кладовщика, штопала, стирала, убиралась в казармах охраны, пела, просто грела добрым словом. Очень скоро поселенцы недоумевали, как вообще раньше без неё обходились? На основную работу у Мадинки почти не оставалось времени, но если кто-то просил, не отказывала.

От ревности Рысь до крови сбивал кулаки о стену, но ничего поделывать не мог. В начале зимы его повесили за усердную службу и вручили ключи от барачков.

* * *

– Бардак! – уже с позиции градоправителя Грайт оценил положение дел в городе и закрутился не белкой даже, а бешеным волчком.

Перво-наперво велел Арвизлю оформлять жуликов, а сам отправил в Стрелецк нарочного с письмом губернскому исправнику.

Выяснилось, что в Северинге ни разу не проводилась перепись населения, и почти ни у кого нет фамильных листов, удостоверяющих личность, но если вторая проблема откладывалась на неопределённый срок, за решение первой Берен взялся немедленно.

К тому времени, как приехали уполномоченные из центра, вовсю шло строительство голубятни, и вместе с урядником и стражей в Стрелецк отправился учёный старичок Арсений, прекрасно разбирающийся в почтовых птицах, дабы закупить несколько пар на племя.

Следующий гонец умчал в Равенну к самому императору.

Осень срывала с деревьев золото, и вот о нём Берен повёл речь на собрании. Не без труда, но бывшему сотнику удалось доказать необходимость городской казны и общественного амбара. С каждым может случиться несчастье – пожар в доме, гниль урожай убьёт, болезнь тяжёлая с кормильцем приключится – но тогда бедняги не останутся без поддержки. К тому же приходят новосёлы, а им тоже на первое время нужна помощь. По поводу последних Берен ввёл жёсткий отбор: установил испытательный срок, по истечении которого лодырей, приживал и прочую голь выгонять.

Покончив с делами насущными, Грайт изловил воспитанника и оттрепал-таки за уши, пока тот не запищал всерьёз. Правда, сразу пожалел, но парнишка понял, в чём провинился, не обиделся и урок усвоил.

К славице вернулся гонец из Равенны с указом Его Величества о продлении льгот для Северинга, коим надлежало «всякую шуштуру нещадно бить по морде»: уточнение содержалось уже в личном письме Берену, но градоправитель зачитал это вслух на собрании, сорвав шквал аплодисментов. Вместе с гонцом прибыли столичные гости. Трое гвардейцев личной стражи Аристана передали привет и письмо от Рэйва Грома, посмотрели Арвиэля, бросив туманное «ещё лет десять», и пошли к Сидору. Почтенный седобородый маг из Ковена установил в караулке Индикатор Преступлений – бледно-жёлтый шар с голову величиной, укрепленный на треноге.

– Забойная штука, – восхитился Арвиэль, застёгивая на левой руке чёрный браслет с камушком-тильзитом.

– Я понимаю, что ваш уникальный потенциал ’гвётся на’гюжу, юноша, но будьте любезны не пе’гебивать, – поправив очки, строго осадил старичок. – Так вот. ’Гадиус действия а’гтефакта – две ве’гсты. П’гинцип ’габоты – постоянный, но ша’г нуждается в пе’гиодической наст’гойке, иначе п’гоизойдёт сбой. Цвет а’гтефакта будет меняться в зависимости от тяжести п’геступления: о’ганжевый означает к’гажу, фиолетовый – воо’гужённое нападение, чё’гный – это п’готивозаконная волшба и к’гасный – убийство. С оттенками сами ’газбе ’гётесь. Как только ка’гаульный заметит изменения, он должен п’гижать свой б’гаслет к ша’гу – вот так, – взяв Арвиэля за руку, маг приложил браслет «глазком» к артефакту, – и тогда д’гугие ст’гажники получают сигнал.

– А как мы узнаем, где совершено преступление?

– Юноша, вас поведёт магия, – старичок улыбнулся с заметным чувством превосходства.

А зима в том году была суровой.

* * *

Зима в этом году была холодной и метельной. Особенно вьюжень свирепствовал, как будто отстаивал своё недоброе имя.

Летом Сумеречье кишмя кишит хищниками и тёмными тварями, но именно тогда каторжане и бегают. Зимой в лесу верная погибель. Морозы стоят трескучие, с улицы приходишь – пар валит, как из котла с похлёбкой, ночью даже в помещении от печки не хочется отходить. А какая в лесу печка? Даже костёр толком не разведёшь – не хочет гореть чёрное дерево. И вьюги... Такие вьюги, что на прогалинах снег столбом под Полог уносится, а между стволов маленькие ураганчики кружат, за мгновение превращая жертву в ледяную скульптуру: учёные люди говорят, перепад температур или ещё что...

Мадинка пришла в каморку, когда спали и начальник поселения, и стражники, и заключённые, только Рысь да ещё несколько караульных охраняли каждый свой барак, но в отличие от сослуживцев, «кукушонок» себя несчастным не чувствовал.

– Ты прям как капуста! – хихикнул парень, выпутывая девушку из лишней одежды.

– Да погоди ты, – Мадинка игриво шлёпнула его по руке, – дай хоть отогреюсь.

– Чаю налить? Или спирта?

– Ты же знаешь, я не пью, а от чая только приспичит в неподходящий момент.

– Вчера у Васки тебя не спичило? – не сдержался Рысь. И понял – зря: Мадинка, взявшаяся было за валенок, опустила обутую ногу и встала с топчана.

– Ревнуешь, что ль?

– Ревную, – признался Рысь и глухо добавил: – Очень. Не хочу, чтобы ты к другим ходила.

– А ты укради и женись, – усмехнулась девушка, сразу став чужой и какой-то... зло-радной.

– Вот и украду, – буркнул парень, благоразумно «прослушав» остаток предложения. Мадинка ему нравилась, но не с продажной же девкой семью заводить? – У меня отпуск в перевозоне, давай вместе рванём?

– Я бы сейчас рванула.

– С ума сошла! Там вьюга! – видя, что рыжая снова шутит, караульный со смехом прилёк её к себе, но в грудь ему решительно упёрлась ладошка.

– Вьюга следы надёжно укроет, ни одна собака не возьмёт. Утро будет ясным, а через две недели – оттепель, – Мадинка внимательно посмотрела ему в глаза снизу вверх. – Ах да, ты же человек. Мне чутьё по наследству досталось. Как и дар приворота. Я хотела похорошему, Рысь. Но ты такой же, как все.

Внезапно у Рыся закололо сердце. Так сильно, что даже крикнуть не смог. Он прожил ещё несколько секунд, чтобы услышать:

– Мне было восемь, когда соседи ворвались к нам. Из-за этого, – девушка отвела прядь за слегка заострённое ушко. – У мамы были длиннее, а волосы – как лён. Если бы не он, я бы с ними висела.

Обтерев стилет, Мадинка деловито обшарила труп, сняла с пояса связку. Ключ от ворот она уже раздобыла. А кандалы несложно открыть клинком, коли опыт есть.

... Утро выдалось ясным и безветренным.

Всего из барака сбежали восемь каторжан – звено Зверя с ним самим во главе, а ещё пропали Мадинка и Рысь. О пособничестве и не думали, искали трупы: на поселении и за стеной. Но нашли одного Рыся. Парень не выглядел испуганным, скорее, удивлённым. Точный глубокий удар прямо в сердце, какой можно нанести только с очень близкого расстояния.

– От... шалава, – бригадир поднял на руки окоченевшее от холода тело и, припадая на обе ноги от тяжести, понёс в казарму. Там, в тепле, хоть глаза закрыть можно будет.

Спустили собак, но те лишь бестолково вертелись на месте, вопросительно оглядываясь на хозяев. Следа собаки не чуяли.

* * *

Обширное половодье занесло в Истринку нырка.

– Небось из Вельги притащило, – сообщил водяной, выбросив утопленника на берег. – Приберите-ка его, мне здесь топляки не нужны.

Аватар видел труп второй раз в жизни, но особой брезгливости не испытал, хотя кое-кто из старших стражников наотрез отказался заходить в тюрьму, куда временно перенесли тело, пока не уберут в ледник.

А что такого противного в человеке? Был живой, теперь мёртвый. Ну да, посиневший и разбухший, поеденный рыбами – так ведь это естественно для утопленника. При жизни он был мужчиной роста чуть выше среднего, худощавым, но жилистым, с широкими кистями рук, где-то потерял половину зубов и ухо. Внешних повреждений не обнаружено... Почти. Ладони и запястья с внутренней стороны изрезаны, особенно пальцы, как будто перед смертью человек цеплялся за что-то острое.

Например, за расколовшийся под ним лёд.

Одежда простая, из грубой некрашеной ткани... Стоп!

Стражник отогнул воротник. С внутренней стороны на нем расплылось густое чернильное пятно, и даже можно было угадать цифру – то ли единицу, то ли семёрку.

Арвизель попытался обратить на это внимание Берена, но наставник лишь досадливо отмахнулся и велел помыть руки: он сообщил о происшествии в Стрелецк, однако из центра ответили в духе водяного с уточнением «где-нибудь».

Мёртвого прибрали не «где-нибудь», а на кладбище. В могиле без имени.

Об утопленнике вскоре забыли. Паводок сцепил Истринку и Вельгу коридором разлившихся стариц, по которому в маленькую речушку заплыл сом – здоровенный!

Что там какой-то труп?

* * *

Вода спала быстро, и сом освоился в речушке как у себя дома. Одни говорили, мол, в нём две сажени, другие поднимали планку аж до трёх, но поймать хотели все. Дядька Водник перегородил реку, чтобы рыбина не ушла от города, однако помогать кому-либо наотрез отказался, ухохатываясь над ловцами из ивовых зарослей. А сом, почувствовав такое внимание к своей особе, обнаглел: дразнился широкой блестящей спиной, часами бродил вокруг наживки, а потом вдруг залегал на дно, ловко снимал живца с крючка, рвал прочнейшую лесу.

Так никому и не дался.

К концу ледохода горожане попрятали куртки, а Прокопий разрешил стражникам плюнуть на мундиры. В последние полгода капитан всё меньше соответствовал должности: переложив на Берена ответственность за город, он не расставался с бутылкой.

На реку Арвиэль пришёл вовсе без рубашки, вынудив одиннадцатилетнюю Берту смущённо спрятаться за своих овечек.

– Какого шушеля?! – возмутился парень, увидев, что любимое место под ветлой занято. – Курваляй ных баргуза отсюда!

– Щаз! – Эрган напрягся, подсёк и выудил на берег трепещущего, жирненького золотого карася.

«Это мой карась!» – чуть не заорал аватар, но вовремя спохватился.

– Это моё место!

– Ты табличку с именем видишь? Я – нет.

– Табличку завтра приколочу, и радуйся, если не к твоей башке!

– Ты у нас стражник? – спокойно осведомился Эрган.

– Ну!

– Вот и охрряняй моё ведрро! Га-га-га!

Рассвирепев, аватар подошёл к поганцу вплотную.

– Сейчас же забирай своё ведро, сматывай удочки и вали отсюда!

– Во! – Арвиэлю под нос ткнулась когтистая дуля. – Ух ты, вон он!

Ведро описало красивую дугу и бултыхнулось на середину реки, треснув по спине сома, так некстати вылезшего подразниться. Освобождённая рыба порскнула в разные стороны серебристыми росчерками. На глазах зеленея, как петрушка, Эрган медленно поднялся, и секундой позже аватар сидел на своём законном месте под ветлой, часто моргая после нехилого такого толчка.

Раньше Арвиэль просто начистил бы орку морду, но стражник этого сделать не мог. Зато другое – очень даже. И капитана в городе нет!

– Ты арестован за нападение на должностное лицо, – прошипел Арвиэль в орочье ухо, уже сидя верхом на поверженном мордой вниз степняке.

– Я тебя щас!.. – Эрган взбрыкнул, едва не стряхнув наездника, но тот удержался.

– Сопротивление стражу закона при задержании, – перечислял Арвиэль, с удовольствием заламывая орку руку.

– Уррод белобррыый!

– Оскорбление стража закона.

– Если не отпустишь, я тебе кишки на уши намотаю!

– Угрозы и шантаж.

– Тебя в детстве жеребец по темечку тюкнул, придуррок!
– Ха! Я – венец эволюции эльфов, а ты – мелкий преступный элемент. Мелкий, потому что для настоящего преступника мозг мелковат...

* * *

Арвизель мрачно созерцал угол, в коем стоял уже третий час, но раскаиваться не соби-
рался. Жалко, что синяк рассосался так быстро: одним глазом вполовину меньше пыли
видно.

– Злоупотребление должностными обязанностями! Самоуправство! Беспредел! – разо-
рялся Берен, наворачивая круги по хатке. – Арвизель, ну что мне с тобой делать?!

– Уж придумайте что-нибудь. Моя смена скоро, а вы тут стоять велели.

– Я тебя с должности сниму!

– Хорошо, только Прокопий и стражники не дадут, а люди скажут «расовая дискрими-
нация и произвол».

– Я тебя выпорю!

– Ну выпорите, хоть полегчает. Вам полчаса хватит? Опаздывать не хочу.

– Арвизель, да что с тобой такое?!!

Арвизель пожал плечами:

– Всё хорошо, господин Грайт. Вы на своём месте, я на своём, горожане довольны, а
Эртан мне просто не нравится, и вовсе не оттого, что он – орк.

* * *

– Ну зачем ты с ним ругаешься? – тем временем урезонивала Эртана миловидная смуг-
лая девушка с рыжей косой до пояса, замазывая ему зелёный фингал под глазом. – Хороший
парень, яблочки мои прошлой осенью нахваливал, только успевала через забор стряхивать...

– Ты его моими яблоками кормишь?!! Ксана!!!

– Это – мои яблоки. Твои будут, когда начнёшь сам урожай собирать, а не ждать, пока
я сброшу. Вы бы подружились, что ли? Я бы вам обоим косички заплетала...

– Ещё чего! Он меня просто бесит!

* * *

Ночная прохлада разливалась над лугом свежестью молодых трав и медвяным арома-
том клевера. Над речной гладью носились нетопыри, на лету хватая ещё полусонных насе-
комых, почти не докучавших тем, кто притаился в прибрежном лозняке.

– Голову – на уху, спинку – на вертел, брюшко в сметанке потушить, а хвостик...

– А из хвоста я тебе кляп сделаю, – прошипел хозяин, указывая на тёмный силуэт в
воде, – тихо.

Видимо, рыба возомнила себя русалкой и вынырнула погреться под месяцем. Заку-
сив губу, аватар немного смотал леску и снова отпустил, заставив наживку пошевелиться:
рыбачил без грузила и поплавка, но течение хорошо держало приманку, не давая ни всплыть,
ни потонуть. Сом исчез. Симеон нетерпеливо заурчал, вжавшись в траву, – только хвост тру-
бой как ёршик камыша.

Сом так рванул удочку, что Арвизель шлёпнулся с корточек плашмя. Правда, сразу же
вскочил и, не обращая внимания на хлесткие лозы, стал продираться на открытое простран-
ство, попутно крутя катушку. Домовой вопил уже в голос, на задних лапах наворачивая вось-

мёрки. На противоположном берегу тоже ломались сквозь кусты, оглашая окрестности забористым орочьим матом. В какой-то момент рыбина взлетела над рекой, повиснув на двух крючках, как бельё на прищепке, и плюхнулась обратно, вынудив обоих рыбаков прочертить ногами борозды до самой воды. Судя по всему, лески перепутались течением, и сом заглотил двойную наживку. В нём было меньше трёх сажень. Но ненамного.

Эртан и Арвиэль ошалело уставились друг на друга.

Под напором превосходящих сил противника враждующим лагерям волей-неволей пришлось объединиться.

– Эртан, плыви ко мне, иначе не вытянем!

– Щаз! – возмутился орк. – Сам ныррай!

– Симка, тащи лодку! – велел аватар.

– А повешшшливей...

– Живо! – хором рявкнули рыбаки.

Прошипев что-то обиженно-тоскливое, домовый растаял в воздухе.

– Леску я сам плёл, нипочём не поррвется, – авторитетно заверил Эртан.

– Моя тоже. На что ловишь?

– На полкуррицы, у Ррениты купил.

Арвиэль согласно фыркнул: на его крючке болталась вторая половина, купленная там же, а теперь цыплёнок воссоединился в сомовьем брюхе. Рыба гуляла, выписывая такие кренделя, что рыбаки успели набегать с версту, прежде чем показалась лодка, на носу которой, подбоченясь, стоял Симеон. Где и когда он умудрился раздобыть войлочную шляпу с колоском вместо пера, оставалось загадкой.

– Давай его в садок пока, – предложил Арвиэль, оказавшись на берегу Эртана.

Садком послужила маленькая заводь, огороженная бреднем. Рыбу благополучно подвели к нему на лесках, как на поводке, но, чтобы забросить внутрь, пришлось попотеть, вернее, – вымокнуть. Естественно, без перебранки не обошлось.

– Уррод ушастый!

– Ха! Сам такой, а я – венец эльфийской эволюции!

Эртан внимательно посмотрел на мокрые вихры приятеля по несчастью, но никакого венца не обнаружил.

– Поганка бледная! – Это было несправедливо. За полтора месяца Арвиэль загорел, и широкая полоса от браслета ярко выделялась на левом запястье.

– Пучок салатный!

– Придуррок!

– О да, я – при дураке!

– Щас вррежу!

– Рискни здоровьем!

Не зная, как ещё их разнять, Симка вскинул передние лапы и во всё горло завопил:

– Помогите, тону-у-у!

– Ты ж нечисть! – хором изумились спорщики, отвлекшись от назревающей драки.

– Я – кот! Говорящий! – домовый скрестил лапы на груди и штопором пошёл ко дну, демонстративно пуская пузыри.

– Ладно, давай выбираться, а то и впрямь на денёк-другой затонет мне назло, – вздохнул Арвиэль.

Чтобы вытащить крючки, сома пришлось огреть веслом. Теперь рыба, то ли оглушённая, то ли смирившаяся со своей участью, стояла на одном месте, меланхолично шевеля плавниками.

– Красивый какой, – заметил Арвиэль, наблюдая за колеблющимися усами. – Что с ним делать будем – съедим?

– Таких больших есть уже нельзя: мясо жёсткое и воняет. И в Истринке мы его оставить не можем, иначе рано или поздно он утащит кого-нибудь из детей, – вздохнул Эртан. Как-то сам собой отпал вопрос, зачем тогда вообще вытаскивали. – Убьём, и дело с концом.

– За что?

– За то, что детей жрёт!

– Пока шшто это мы хотели его сожрать, – возразил Симка, которому вдруг стало жаль смертника. – Но передумали.

– Чем убивать будем?

– Да вон, топором.

– На, – топорик для дров вонзился в землю у сапог Эртана. – Я не убиваю ради развлечения.

– А я, по-твоему, убиваю?! – орк, поднявший было оружие казни, метнул его обратно. – Не буду я его ррубить.

– Почему?

– Он не сопротивляется.

Сом развернулся мордой к берегу, и что-то в его взгляде было мудрое и печальное.

– До Вельги далеко?

– Не очень. Часов восемь ходу, – Эртан, в чьей крови жила Орканская степь (хоть он там ни разу не бывал), мерил расстояния по-своему.

– И правда, рукой подать, – согласился Арвиэль, тоже не пасующий перед вёрстами. – Давай его туда отвезём?

– Сдуррел?! – ахнул орк, но тоже заглянул в сомовьи глаза и продолжать не стал.

– Съесть мы его не можем, зарубить тоже, в речке оставлять нельзя, если притащим в город, его у нас отберут и убьют. Я сказал Берену, что вернусь послезавтра, так что меня не хватятся. – На самом деле они с наставником разругались. Берен всё ещё сердился, но уже не из-за выходки с арестом, а из-за того, что Арвиэль себя считал правым, и самое ужасное – перечил *градонаправителю*. Вспылив, парень выдал то, о чём разумные дети сообщают родителям в более подходящий момент: он собирался переехать и уже присмотрел симпатичный участок под сруб. Потому как нехорошо, если двое взрослых мужчин, не родственники, живут в одном доме. А Берен... Берен обозлился по-настоящему. Даже в сердцах бросил: «Катись, куда хочешь, глаза б мои тебя не видели!» Понятно, что не всерьёз, но всё равно обидно и горько.

– Ну да, и я так сказал, – кивнул орк, правда, не уточнил, кому сказал.

– Симеон, тащи телегу и бочку!

– И каррту, – добавил Эртан. – Я там давно был, и дорроги не помню.

* * *

Достать из сарая бочку и четырёхколёсную ручную тележку не составило труда, но встал вопрос, как выгнать сомоперевозку за ворота, закрытые по ночному времени. Помяукав над тяжкой дилеммой, кот протянул лапу и сцапал ключ, висевший на шее Сатьяна, на пару с Риертом сегодня охранявшего выход.

Индикатор Преступлений мигнул, соображая, стоит ли считать действия домашнего духа как акт хищения, но передумал.

Соррен бдил, оглашая караулку богатырским храпом.

Поскрипывая, тачка вплыла в ворота. Не до конца проснувшись, Сатьян приоткрыл единственный глаз. И остолбенел: мимо его чурбачка сама собой двигалась непонятная конструкция, шёпотом напевая: «Во садочке во моём козы разгулялись...» Несмотря на бурдюк

креплёного, реакция стражника не подвела, и в поющую самоходку уставился болт взведённого арбалета:

– Стой, кто идёт!

– Тишше, я тебе снюсь, – ласково прошептала бочка. – Сспи, моя радость, баю-бай...

– Ну, снись, – разрешил Сатъян, снова откидываясь назад.

* * *

Увидев весло в руках Арвиэля, сом предпочёл самостоятельно перевернуться кверху брюхом, и проблем с транспортировкой не возникло. Рыбаки обулись, поплевали на руки и впряглись в тачку. Домовой, сидевший на бочке как ямщик на облучке, взмахнул прутиком:

– Н-но, залётныя-а-а!

– Как ты его террпишь?

Со страдальческим видом стражник рубанул ребром ладони по горлу.

На рассвете Симеон закончил горланить песни и задремал, свернувшись клубочком на мешках, притом, судя по чавканью, перед этим знатно в них пошарил. Парни сами зевали и, чтоб не заснуть на ходу, пришлось разговаривать. Удивительно, однако, у них нашлось полно общих тем и увлечений.

Карта была очень кстати, орк действительно не помнил дороги. К полудню вышли на болота. Даже вблизи они казались зелёной лужайкой, на карте отмечены не были, и если бы аватарье чутьё не уловило слабый запах прелости, рыбаки ухнули бы в топь вместе с тачкой и сомом.

Пришлось обходить каменистой грядой, сделав крюк в несколько вёрст.

Волчью яму Арвиэль не заметил. А вот Эртану приходилось быть осторожным. Эльфа ловушка, может, и выдержала бы, а вот для орка наверняка стала бы могилой. В прибрежном лесу с такими вот сюрпризами двигались медленно и осторожно. Когда солнце стало клониться к западу, впереди заблестела речная гладь, зеркальной лентой взрезавшая низкий берег, поросший корабельными соснами.

Добрались.

Конец пути – сомье счастье. Ещё миг – и рыба на свободе.

Взбивая отражение облаков в пену, сом зигзагами уходил по мелководью к глубокой воде. Всплеск – и только круги остались от рыбины, полтора месяца сводившей с ума горожан Северинга.

Домовой скорбно стянул шляпу и вытер сухие глаза:

– Прощай! Ты навсегда останешься в моём сердце!

– Ему повезло, что не в желудке, – усмехнулся Арвиэль, стоя по колена в воде. – Интересно, Алидара и Силль-Тьерра такие же широкие?

– Сравнил! Насчёт Алидарры не знаю, а на Силль-Тьерре прротивоположного берега не видать... Как и в Силль-Миеллоне. Ты ведь там рродился?

– В Силль-Миеллоне. Только на севере, оттуда до рек далеко было, – привычно соврал аватар. – Погоди, а разве ты – не из Оркана?!

– Из Гусиных Пррудочков я! – захохотал орк. – С Марртой земляки, оба на Силль-Тьерре рродились.

– А-а... – что-то такое Арвиэль слышал, но не запомнил.

– Маррта хоррошая. Я в Алуу Волну отца потерял, так она обо мне заботилась, как о рродном, – ловко пущенный камешек запрыгал по глади лягушкой. – Духи делает вкусные, только травница из неё...

– Хреновая! – хором рассмеялись эльф и орк.

Больше суток без сна. Почти десять часов в роли гужевых лошадей. Все мышцы гудели, и парни, решив, что утро вечера мудренее, развели костёр. Симка сожрал почти весь провиант, притом не только хозяйский, но у Эртана остался бурдюк пива, а у Арвиэля – лепёшки. Забросили удочки, на гарнир набрали первых вельжанок⁶, маленьких и невероятно вкусных. Когда румяные окуньки в грибной россыпи перекочевали с прутков на импровизированные тарелки из кусков коры, уже ступились сумерки. О чём же говорить в лесу ночью, как не о всяческих злыднях?

– Ты варга когда-нибудь видел? – спросил вдруг эльф.

– Видел. Только давно и мельком, – ответил орк.

– Прикончил?

– Зачем? Он же не нападал. Просто кивнули друг другу и разошлись.

– Зря. Я бы пришиб эту тварь, не раздумывая.

– А если б это была девочка?

– Какая разница – самка или самец? – Арвиэль ответил не сразу, и такая формулировка царапнула не только Эртана, но и его самого. – Перевертыши – ошибка природы, вроде всяких там уродов или недоразвитых, – аватар почти дословно процитировал отца.

– Говорят, кошки очень красивые.

– Тогда шкурку на стенку повесил бы, – пошутил Арвиэль, пытаясь разрядить обстановку, но опять вышло как-то не очень.

– А я ради развлечения не убиваю, – едко отрезал орк.

Стражник задумался: и впрямь, смог бы он поднять руку на девушку, даже зная, что она – оборотень? В семьях аватар это не обсуждалось, но теперь множество вопросов предстояло решить самому.

Посторонний запах отвлек от размышлений. Поблизости от города Арвиэль не обратил бы на него внимания, но здесь, в чащобе, подобные встречи могли сулить большие неприятности.

– Мы здесь не одни, – прошептал стражник. – Симка, исчезни.

– Но...

– Живо.

Досадливо клацнув когтями, кот испарился, попутно стащив хозяйского окуня.

На огонёк костра вышли пятеро мужчин и девушка не старше двадцати. Ярко-рыжие волосы, собранные в небрежный хвост, манили зарыться пальцами, миловидное усталое личико хотелось прижать к груди, пригреть, защитить. Раньше Арвиэль ничего подобного не испытывал, поэтому растерялся. Девушка разглядывала его со странным выражением, приоткрыв обветренные губы. Спутники рыженькой понравились аватару гораздо меньше, особенно высокий, пожалуй, даже выше Эртана, чернявый мужик. Это был Зверь. Сейчас его волосы были коротко острижены, вместо бороды и усов бледное лицо украшала щетина, но воображение легко дорисовало недостающее. Пришельцы были вооружены арбалетами и теоретически ножами, и Арвиэль сильно пожалел, что не прихватил из дома «рыбки». Грубую серую одежду он уже видел раньше. На утопленнике. Но с этой беглые каторжане наверняка успели бесследно стереть номера.

– Здорово, охотники! – улыбаясь, поприветствовал стражник неожиданных гостей. – Садитесь к нам.

Эртану компания не понравилась, но показывать этого он не стал. Симеон и вовсе изображал невидимку. Судя по тому, что рассказывал капитан, Зверь не был расистом, по крайней мере, нарочно нелюдей не истреблял, только если под руку подворачивались. Вот как сейчас. Аватар сделал единственное, что мог в таком положении. Теперь шанс остаться в

⁶ Вельжанка – волжанка, волнушка.

живых довольно велик, но этого недостаточно. Как стражник, Арвиэль просто обязан вернуть преступников за решётку.

Два молодых безоружных нелюдя не представляли для бандитов угрозы, тем более сочли их за мирное население. Настороженность не исчезла, но Зверь принял предложение.

– Вот уж не думали, что здесь живую душу встретим, – усмехнулся главарь, подсаживаясь к огню и подавая пример остальным. – Откуда вы?

– Из Северинга, – врать смысла не было, относительно молодой город ещё не нанесён на имперские карты, только на местную, – города-резервации. Я Арвиэль, это – Эртан.

– Большак. Дина, дочка моя, – остальных главарь представил как Сухаря (самого тощего), Вихора (из-за спутанной шевелюры дыбом), Дубину (сила есть, ума не надо) и Зайца с раздвоенной нижней губой. – Далеко отсюда живёте?

– Так себе, – Арвиэль неопределённо пожал плечами. – А вы откуда?

– Да так, ниоткуда. Где Живица указала, там и прижились, а в мир только по нужде выходим, на промысел или ещё за чем, – рыжая любовно погладила лежащий у ног арбалет. Она села рядом со Зверем напротив Арвиэля, остальные расположились чуть поодаль, подозрительно глядя на нелюдей и алчно – на рыбу.

– Храни вас Альтея, – кивнул аватар. А девушка неглупа. Служители Иллиатара не любили староверов, поклоняющихся Альтее-Живице, с другой стороны, эльфы и орки тоже, по мнению Церкви, язычники. Одной фразой рыжая уравнила хозяев и гостей, предупредив излишние расспросы. – Угощайтесь!

– А вы? – проявил вежливость Зверь, зыркнув на встрепенувшихся бандитов.

– Пойду проверю удочки, на всех хватит, коли не торопитесь, – Арвиэль поднялся, непринуждённо отряхивая хвою со штанов. За ним наблюдали как за ядовитой змеей.

– Мы тоже охотники, только за ррыбой, – Эртан выразительно покосился на бочку. Он не до конца разобрался в ситуации, но сообразил, что дело дрянь, и сумел неплохо подыграть заклятому недругу – теперь уже, кажется, бывшему. Если бы орк встал вслед за ним, оба оказались бы под прицелом арбалетов, а так Арвиэлю благодушным кивком позволили уединиться на берегу.

С Симкой, естественно.

– Хозяин, никакие они не отшельники, – зашептал домовый, высунув голову из коряги. Даже звать не пришлось, сам прибежал. – У них в мешках жратвы нет и ножей для разделки тушш, зато есть заточки, отмычки и деньги.

– А карта у них есть?

Арвиэль знал, что полтора года назад Зверя арестовали и отправили на лесоповал, правда, о побеге не слышал: жуликоватый «чиновник» был прав – Северинг находится далеко от цивилизации, и вести туда приходят с большим опозданием. Наверняка утопленник из этой шайки, значит, каторжане удрали где-то во вьюжне, прихватив необходимое и деньги кого-то из охранников. Но почему бандиты так долго бродят в северных лесах и до сих пор не разжились нормальной одеждой?

– Я не видел.

– Значит, они заблудились, и им нужны провожатые... – раздумчиво пробормотал Арвиэль. – Симка, дуй в Северинг и передай Берену, что Зверь сбежал.

– Какой зверь?

– Тот, чей портрет висит в караулке, бандит, убийца и мародёр. Судя по утопленнику, около трёх месяцев назад. Пусть Берен с Прокопием соберут бригаду и идут сюда. Вот ещё... – аватар снял кулон в виде волчьей головы, некогда собственноручно выстроганный. – Надень, так будет надёжнее.

С вытаращенными глазами кот взвился на корягу, выгнув спину.

– Хозяин, ты с ума сошёл?!!

– Тсс... Кулон могут отобрать или уничтожить. Симка, я не могу тобой рисковать.

– Хозяин, я тебя потом не найду!

– Найдёшь, – уверенно сказал Арвиэль, в несколько раз обвив длинную цепочку вокруг кошачьей шеи.

– Хозяин, я тебя не брошшу!

– Симка, Зверь опасный преступник, и я не могу его упустить. Мы нужны им живыми, по крайней мере, пока, но я не знаю, как долго смогу морочить им головы. Поторопись, сейчас всё зависит от тебя.

– Хозяин... – этот взгляд был способен превратить чёрствое сердце Мирона в мягчайшую сдобу.

– Си-ме-он, – строго отчеканил Арвиэль и замер, принохиваясь. – Кыш.

Когда Дина вышла на берег, Арвиэль уже снял двух полуаршинных окуней и заново заряжал удочки: голодный человек стократ хуже сытого, а уж бандиты тем более. Рыжая с непонятной жалостью посмотрела на трепыхавшуюся плотву, пошедшую на живца.

– С кем ты разговаривал? – поинтересовалась девушка. – Я слышала голоса.

«Ничего ты не слышала», – понял Арвиэль.

– Я-а?! – забросив удочки, парень недоумённо огляделся. Окуни уже не бились в траве, задыхаясь без воды.

– Наверное, показалось, – Дина отбросила окровавленный камень. – Чего на меня уставился – влюбился?

– Неравнодушен к рыженьким и покладистым, – аватар тяжело вздохнул над рыбой: от голов у окуней мало что осталось, ивовый прут пришлось протыкать прямо сквозь тушки. Вообще-то предпочтения Арвиэля касались крыжовенного варенья, но девушка истолковала по-своему.

– А ты укради и женись!

– Можно попробовать, – связав прут кольцом и прицепив рыбу к поясу, стражник протянул руки. Нечеловеческая внешность, прежде доставившая столько неприятных моментов, сейчас могла выручить, а как подсечь клюнувшую девчонку, Арвиэль знал от братьев Лесовят, больших спецов в этом деле.

Однако на Дину приворот не подействовал, хотя аватар видел, что она совсем не прочь вернуться к костру на руках.

– Что, и впрямь женишься? – с какой-то злорадной усмешкой спросила рыжая, отступив на пару шагов.

– Наставник говорит, жену себе надо из глубинки брать, чтоб неиспорченная была и мужа слушалась.

– Ну ты нахал!

– А ты слишком бойкая для отшельницы.

– Имею право, – фыркнула рыжая. – Я не девка на выданье, а добытчик наравне с мужчинами. Давай-ка тебе с уловом помогу.

Арвиэль дождался, пока девчонка сама потянется к поясу, засим подхватил её на руки, подбросил и прижал к себе – бережно, но крепко.

– Нет уж, свой улов я сам донесу. Весь улов.

– Вот нахал!

Несмотря на довольно высокий рост, Дина оказалась удивительно лёгкой, но к костру вышли каждый своими ногами: неизвестно, как отреагировал бы Зверь на похищение «дочурки». И всё же девушка под села уже не к нему, а к Арвиэлю.

Каторжане облизывались на еду, но даже первая порция, уже остывшая, лежала нетронутой: Зверь поддерживал в шайке жёсткую дисциплину и к столу вперёд хозяев не пустил.

Почистив и нанизав рыбу на прутки, Арвиэль обмыл руки из котелка, но засученные рукава опустить не успел.

– А давай я тебе погадаю, – не дожидаясь согласия, Дина взяла его левую руку; по ладони до локтя пробежали приятные мурашки. – Жизнь у тебя нелёгкая была, рано один остался.

Ну, это логично. Эльфы в резервациях селятся не от хорошей жизни.

– Алая Волна?

– Её последний всплеск.

– Тебя воспитал человек, и ты ему за это благодарен.

И снова в точку, только линии ни при чём. Если бы эльфёнка взял к себе старший сородич, тот называл бы его отчимом или л'лэрдом в зависимости от родства и положения в силль-миеллонском обществе, а не наставником.

– Ты не только выжил, но и нашёл своё место в городе.

– Угадала.

– А вот это говорит о том, – пальцы девушки скользнули с ладони на белую полосу от браслета, окольцевавшую запястье, – что ты... служишь в страже!

На ногах оказались одновременно, притом Арвиэль – с остриём у горла.

– Сразу мне твой взгляд не понравился, – прошипела рыжая. – А ну не рыпаться!

Последнее адресовалось Эртану, подхватившему топор. На орка уставилось четыре арбалета, заставив выронить оружие и сесть на место с поднятыми руками. Но степняк испугался не за себя, а за Арвиэля, а тот – за него. Аватар смог бы удрать даже с парой болтов в спине, но стражник не смел бросить товарища по несчастью.

– Что ж вы с нами так? – укоризненно цокнул языком Зверь. – Сухарь, обыщи их мешки.

Тощий пинком отшвырнул Эртанов топор в сторону, попутно снисходительно потрепав орка по голове. Тот яростно клацнул клыками, но сделать ничего не мог. Арвиэль тоже не шевелился, гипнотизируя девушку.

– Даже не пытайся, на меня это не действует, – хмыкнула рыжая.

– Карта! – радостно заорал Сухарь, вынырнув из мешка стражника. Дина с облегчением выдохнула.

– Ну слава Богу, – подытожил Зверь. – Дай сюда.

Подкормленный костёр жарко трещал. Сухарь обошёл его справа...

Толчок раскрытой ладонью, выбивший из девчонки дыхание. Рыжая опрокинулась назад, и это спасло ей жизнь: три болта прошли воздух, не зацепив никого. Арвиэля рядом с ней уже не было. Нырнуть вниз, не обращая внимания на жар, стекающий по горлу на грудь, сбить с ног тощего бандита, выхватить карту.

Обожжённую руку пронзила боль, но аватар с размаху зачерпнул горящих углей, присыпая бумагу. Новенькая карта вспыхнула моментально и целиком.

Стражника за шиворот вздёрули на ноги, до хруста заламывая руки, чей-то кулак впечатался в бок. Эртан зарычал, но стилет на шее Арвиэля остудил его пыл.

– Ах, ты... – рыжая не смогла подобрать слова.

«Будет больно», – понял аватар.

Чутьё его не подвело.

* * *

Альтея создала Симеона не домовым, а корабельным, но на «Морском еже» он проплавал только год. Торговое судно попало в шторм и разбилось о скалы, а Симку на обломке обшивки течением унесло в Себерский перелив, где затем выбросило на берег, необитаемый

на первый взгляд. Кот совсем потерял надежду и просто выл от жалости к самому себе, когда услышал звонкий детский голос:

– Att evienn’le? ⁷

Симеон не знал эльфийского языка, Арвиэль – межрасового, но как-то жестами они смогли договориться. Все домашние духи магически привязаны к какому-либо месту в жилище, которое защищают, обычно к печке, ну а Симка зависел от корабля. Из кусочка уцелевшей доски мальчик вырезал кулон и носил, практически не снимая, таким образом, со временем дух «привязался» и к самому хозяину, даже в его мысли и сны научился заглядывать, хотя нередко получал оттуда пинка под хвост.

В семьях аватар послушание – одно из основных правил, которое превратилось в нерушимую традицию. Из поколения в поколение младшие щенки слушались старших, а те, в свою очередь, взрослых волков – так было исстари заведено.

Когда Симеон попал в семью Винтерфелл, он об этих правилах не знал, поэтому и не удивился тому, что маленький эльф горячо спорит с матерью. Среди человеческих детей попадались ещё какие ослушники да сорванцы! Чем громче кричал и спорил ребёнок, тем больше мрачнела его мать – она явно была недовольна поведением сына. «Зря он так, – думал Симеон. – Сейчас мне дадут пинка под зад, а ему хворостиной – по тому же самому месту. Хотя лучше бы и меня хворостиной... и дома оставили». Эльфийка меж тем отстранила мальчика и направилась к съёжившемуся домовому.

– Что тебе от нас нужно, домашний слуга? Тебя подослали люди? – женщина говорила на межрасовом, её голос был чистым, но каким-то... «Резкий, нет, острый, как необработанная хрустальная грань», – подумал Симка, а вслух ответил:

– Нет, госпожа, я сам приплыл. На плоту...

Женщина слушала домового и кивала головой. Видимо, мальчик всё истолковал верно и уже объяснил матери, но эльфийка решила удостовериться сама.

– Скажи, домашний слуга, ты не видел в Переливе корабли?

– Нет! – замотал головой кот. – Не видел!

Элейна всё же позволила сыну оставить себе питомца. Эстель, младшая сестра эльфёнка, долго тёрла синие глаза, пытаясь прогнать странное «видение» – она, как и брат, впервые увидела кошачье существо. Потом Арвиэль, немного научившись межрасовому, однажды сказал:

– Нам с тобой ещё как повезло! Мама брать тебя ни в какую не хотела, говорила – людьми пахнешь! Сабли у меня отнять грозились... А я ей ещё и перечил... Не попаду я в Хрустальные Чертоги!

Симка тогда не понял, отчего тренировочные сабли так дороги Арвиэлю, зато выяснил другое – эльфы-оборотни людей недолюбливают...

Как оказалось, не зря.

По их вине Симеон едва не потерял хозяина и собственную жизнь. Но тогда отряд Его Величества уже подходил к разорённому поселению, и Берен Грайт успел вытащить мальчика из горящего дома.

...Сейчас домовый бежал со всех лап, время от времени ныряя в межпространство, чтобы выпрыгнуть далеко впереди. Он передвигался очень быстро. Стражники будут гораздо медлительнее.

⁷ Ты чего кричишь? (эльф.)

* * *

Бандиты куда-то уволокли орка, оставив Арвиэля наедине с рыжей, но тощий так ехидно бросил, дескать, она ещё хуже Зверя, что парень себя не чувствовал везунчиком. С ней не договоришься. Не заговоришь. И не приворожишь.

Чего-чего, а вязать узлы Дина умела: как аватар ни растягивал верёвку, она только сильнее впивалась в запястья и живот, вжимая в сосну. Всё затекло, и Арвиэль не был уверен, что сможет подняться без помощи, даже если удастся выпутаться. Хорошо хоть, не подвесили за руки, как селянина с гравюры Арсения, изображающей сцену допроса. В Алую Волну голова одной деревеньки укрыл в лесу раненых нелюдей, а жители носили им еду. Мужчина сам вызвался проводить к беженцам отряд расистов в мундирах имперской армии Аристарха, да вместо этого завёл в непролазную топь, посмертно увековечив своё имя в летописи. Даже балладу сложили. Наверняка без некроманта не обошлось, иначе откуда бы стали известны подробности, ярко живописующие пытки?

Интересно, тот мужик о чём думал? Самому Арвиэлю, наблюдавшему, как рыжая калит на костре свой стилет, в голову лезла всякая ерунда. Он прислушивался изо всех сил, но оттуда, куда увели Эртана, помимо лесных шумов слышалось только «бу-бу-бу». То ли с орком просто разговаривали, то ли...

Сцепив зубы, аватар в отчаянии мотнул головой, треснувшись затылком о дерево.

– Решил сделать работу вместо меня? – не оборачиваясь к Арвиэлю, тихо спросила рыжая. Лезвие уже накалилось докрасна, но почему-то Дина медлила. Может, пожалела, как ту рыбу?

– Эртан не найдёт обратную дорогу. Вы ничего от него не добьётесь.

– Я знаю. Орки только на открытой местности хорошо ориентируются, лес – твоя вотчина.

– Ты тоже на четверть эльфийка, почему ж сама не можешь?

За выходку Сухарь здорово приложил эльфа по голове, но даже сквозь звон в ушах парень сумел разобрать, что ещё в начале первозвона один из шайки провалился под лёд, прихватив с собой карту. С тех пор бандиты плутали между болотами и Сумеречьем.

– У меня другие таланты, а этот по наследству не достался.

– Ты что же, карту не запомнила?

– Запомнила. Но она была старая, довоенная, и половины поселений на ней нет. Нарвались на одно, хотели новой картой разжиться да еды раздобыть. Ещё двоих потеряли. Вы нас выведите тем путём, каким пришли сюда, и мы разойдёмся. Никто не умрёт.

– Нет.

Стиллет вот-вот начал бы плавиться, и рыжая подседа к Арвиэлю. Он знал, после войны, помимо основного занятия, банда Зверя успешно истребляла шайки расистов и тёмных колдунов, и отвращения к девчонке не испытывал. Как и она к нему. Но всё равно они оставались стражником и преступницей. А могло б по-другому сложиться, например синеглазая подавальщица поднесла бы аватару кружку пива и миску солёных орешков...

– Я не хочу делать тебе больно, – судя по голосу, рыжая представляла нечто в том же духе, расстёгивая рубашку Арвиэля.

– И не делай.

– Ты выведешь нас отсюда?

– Нет.

– Арвиэль, мы не пойдём в твой город. Я могу пообещать это за Зверя.

– Вы в другие пойдёте. Сколотите банду и будете, как раньше, грабить, мучить, убивать.

- Каждый зарабатывает на жизнь, как может.
- Ну, так шла бы в швеи или в прачки, а Зверь лес валил бы. Не на каторге, а добровольно, за деньги.
- Уже слишком поздно что-то менять.
- Для него – да, для тебя – нет. Я могу сказать, что ты была заложницей Зверя, и мне поверят. Найдёшь себе работу, дом отстроишь. Будешь жить, как нормальные люди...
- Невинные слова Арвиэля у рыжей вдруг вызвали неожиданную ярость. Бледное лицо её окаменело. Пальцы – тонкие, но сильные – впились ногтями в шею пленника.
- Я никогда не предам Зверя! Слышишь! Ты зря это предложил...

* * *

Утро немолодого, но ещё вполне привлекательного мужчины обязано начинаться с поцелуя в щеку, нежного воркования на ушко и завтрака в постель... Но утро ещё не наступило. Была глубокая ночь, когда господин Берен Грайт проснулся, и отнюдь не от нежного женского воркования. Некто мохнатый, весом с ящик гвоздей, содрал с него нагретое одеяло и, запрыгнув на грудь, хлопал лапами по щекам с истошным воем:

- Зверь сбежал!
- Какой зверь?! – спросонья Берен даже не спихнул наглеца.
- Который висит в караулке! То есть висел, а потом сбешшал! Три месяца назад вместе с утопленником! А хозяин сома выловил, который детей жрёт, и повёз в Вельгу выбрасывать! В бочке с Эртаном! А там – Зверь!
- Ничего не понимаю... Что-то случилось с Арвиэлем? Рассказывай!
- К концу рассказа Берен почувствовал, как у него волосы на голове шевелятся.
- «Ну, я с ним разберусь! В угол поставлю на неделю! Уволю! – думал он, впопыхах надевая рубаху швами наружу. – Только бы цел остался...»
- Градоправитель знал, что поимка убийцы продиктована не желанием отличиться или получить премию. Аватары созданы, чтобы защищать. В данном случае – всю Неверрийскую империю от банды насильников и убийц...
- Внезапно Берен упал на постель, обхватив руками голову.
- Господи, что ж я ему наговорил?!

* * *

Одним взмахом разрезав верёвку, рыжая ушла на реку мыть руки и стилет. Стражник кулем повалился на землю, не соображая практически ни-че-го. Он даже с трудом понимал, жив или уже умер. Хотя... в Хрустальных Чертогах ведь нет боли? Разве что Пресветлая решила-таки проучить непослушного мальчишку.

- Уроды! – прорычали над ухом, голову приподняли, и в рот упали первые капли живительной влаги. Дальше Арвиэль разве что не зубами вцепился в горлышко фляги.
- Не дрейфь, зелёный, – насмешливо обронил кто-то из бандитов. – Рыжая мастер, очухается через час-другой. Я б точно перестарался.
- Арвиэль рискнул открыть глаза и с удовлетворением отметил, что видит неплохо. Впрочем, зрелище озабоченной орочьей физиономии, покрытой ссадинами, вновь настраивало на пессимистичный лад.
- Я не орал?
- Лучше б оррал! Я думал, тебя... того. А она моррду твою пожалела... Баба, – учитывая интонацию, слово приравнилось к «хывре», но орк не рискнул злить бандитов.
- Лучше бы рёбра. Как сам?

– Получше некоторых. Они просто хотели кулаки рразмять, даже рруки мне рразвязали, – с мрачной усмешкой прошептал Эрган. – Честный бой, чтоб его... Ну я-то их моррды не жалел, сами напросились.

Скосив взгляд, стражник не без удовольствия оглядел расписных бандитов, лопавших рыбу у костра. Особенной красой блистал Дубина, физиономия которого походила на овощное ассорти, а у Зайца раздвоилась и верхняя губа. Зверя не было видно, наверное, ушёл к «дочурке».

– Что же ты не убежал, раз была возможность? – Естественно, Эрган понял, что домовой неспроста исчез. Вполне мог спрятаться в лесу и дожидаться подмогу.

– Сдуррел? – возмутился орк. – Они б тебя пррикончили.

– Тебе какая разница?

– Не знаю, – помедлив, буркнул зелёный. – Но она есть. Арр Арвиэль...

– Ты знаешь моё полное имя? – удивился Арвиэль. В городе к нему обращались исключительно по удобному сокращению и не интересовались, откуда оно пошло.

– Да, от Маррты. Хоррош упрямиться, а то эта девка тебя до смеррти замучает. Может, сумеем прродерржаться, – с намёком, понятным только Арвиэлю, сказал Эрган.

– Больше не буду, иначе просто не встану.

Он мог вообще не ломаться. Но рыжая не поверила бы стражнику, разыгравшему при встрече такой спектакль, да и время хоть немного, но потянул. Симка уже в Северинге.

– Знаешь, я, кажется, понял, о чём мог думать голова...

– Какая голова? – встревожился орк, решив, что Арвиэль бредит.

– Неважно. Эрган, когда выберемся, можно я в «Оркан-бар» приду?

– Но только за счёт заведения, – серьёзно подтвердил пивовар.

Вернулся Зверь, за ним плелась рыжая. Их с Виллем взгляды сошлись, и девчонка досадливо отвернула покрасневший нос.

* * *

Берен отстранённо вертел в руках браслет Арвиэля, дожидаясь, пока стражники, получив от Темара сигнал через Индикатор, соберутся в караулке.

Зверь... Оборотень...

Самый страшный зверь – человек.

А самый страшный человек – оборотень, притом неважно, какой.

Этот был в мундире. В ночь Алой Волны он находился в столице, когда люди внезапно взбесились и набросились на нелюдей – соседей, сослуживцев, друзей... Но на десятника имперской гвардии в числе немногих горожан это поветрие – иначе не назовёшь – почему-то не подействовало. Когда принц Аристан вернулся из Оркана и обнаружил, что его отец сошёл с ума, а по всей стране виселицы и братские могилы, Зверь присоединился к отряду юноши и внёс немалую лепту в усмирение расистов. Однако после войны вместо награды получил трибунал за излишнюю жестокость к пленным и неповиновение начальству. Зверем его уже тогда прозвали. С десятником произошло худшее, что может случиться с воином, – ему понравилось убивать.

Впрочем, разбирательства ждать не стал: сбежал, перебив всех, кто пытался его остановить. Бывших сослуживцев, друзей...

Несмотря на мрачный «послужной список», и после побега Зверь по старой привычке продолжал истреблять тёмных магов и банды расистов. За это после ареста его не казнили, а отправили на лесоповал, что, конечно, было милостью относительной.

Да, Арвиэль сильный, да, упорный и находчивый, но он ещё ребёнок. Каким бы умницей ни был мальчик, Зверь всё равно умнее.

– У Арвиэля и Эртана есть шансы?

– Арвиэль с нами из одного шлема самопляс пил, а это не каждый выдержит, – хмыкнул Темар. – Паренёк нам всем как сын родной, и в обиду мы его не дадим, не бойсь. И Эртана тоже.

– Как бы их уже не обидели, – Грайт выразительно посмотрел на кота, но тот с горестным вздохом развёл лапами: слишком далеко находился хозяин, чтобы домовой мог почувствовать его эмоции.

– Если они двинутся с места, их будет непросто найти, – сказал Прокопий.

– А с собаками? – предложил Берен.

– В городе только охотничьи псы, на дичь натасканные, а нужны ищейки, – мрачно возразил Аким. Странно было видеть невозмутимого полукровка в столь подавленном состоянии.

– Господин... у нас есть ищейка!

Индикатор Преступлений согласно мигнул – как будто бы Симеону.

* * *

Уже перед рассветом Арвиэль забылся тяжёлым беспокойным сном, а очнулся от чужого дыхания на лице, чьи-то губы прижались к его рту, и в горло полилась вода. Парень в шоке распахнул глаза, одновременно отпихивая извращенца: первый поцелуй он представлял иначе.

– По-другому ты воду выплёвывал, – вытирая губы, хмуро пояснила Дина.

– Хвала Богине, ты – рыжая, а не зелёный, – пробормотал Арвиэль.

Теперь опешила девчонка. Поколебавшись, положила холодную ладонь на лоб.

– Не убирай, – аватар снова начал проваливаться в сон, но задремать ему не дали.

По груди и животу зашарили руки, вымазанные чем-то жирным, растревожив начавшие было затягиваться порезы и ожоги.

– Это целебная мазь из грибов, она снимет боль, – ответила рыжая на укоризненное шипение.

– Сначала калечишь, потом лечишь?

– Сам виноват. Откуда у тебя шрам на груди? Хороший удар, почти в сердце.

– От людей.

– Как же ты можешь на них работать?

– А ты как?

– Зверь особенный. В Алую Волну моих родителей... повесили за то, что мама была полуэльфкой. Они задохнулись, но Зверь успел меня вытащить из петли.

– Поэтому ты ту рыбу пожалела? – догадался стражник.

Рыжую передёрнуло.

– Очень страшно умирать от удушья.

– Я едва не сгорел. Тоже приятного мало.

– Извини, я не знала, – Дина стала накладывать мазь куда осторожнее. Голос звучал грустно, сочувственно и одновременно бесовски обольстительно: девчонка нагло чаровала, хотя прекрасно знала, что на эльфов никакой приворот не действует. Непонятно, чего добивалась. Самое дурацкое, рядом с рыжей парень себя чувствовал неуютно и одновременно хорошо. Из книг Арвиэль знал, что у людей встречается такое психическое отклонение, когда жертва влюбляется в своего мучителя. Неужели от недолгоживущих эту заразу подцепил? Брр! – Зверь совсем не такой, каким его другие считают. Ты бы понял, о чём я, если бы узнал его лучше.

– Мой наставник тоже особенный. И я тоже никогда его не предаю.

Дина и не ждала другого ответа, а услышала бы – разочаровалась или не поверила.

– Нам пора идти, сможешь встать?

Арвиэль осторожно поднялся, цепляясь за ствол. Пошатнулся, впрочем, головокружение быстро схлынуло. Регенерация, рассчитанная в первую очередь на серьёзные травмы, тормозила. Все повреждения были лёгкими, но хотелось лечь и не двигаться. Зато ноги в полном порядке: рыжая знала, что в ближайшее время они понадобятся больше верхней половины тела.

– Если будешь дурить, я сломаю тебе руку.

Пока что только связала, перебросив свободный конец верёвки Сухарю, который обмотал его вокруг пояса.

Но Арвиэль не собирался дурить. Помощь уже на подходе, главное – продержаться и подать какой-нибудь знак.

Стражники возьмут либо собак, либо Индикатор, но и на то, и на другое надежды мало: охотничьи псы просто не поймут, чего от них хотят, а как там действует магический кристалл, до сих пор толком не разобрались – ну не с чего ему было в тихом спокойном городке срабатывать. Теоретически должен просигнализировать «вооружённое нападение», но только если это происходит в паре вёрст от него, к тому же часов с того нападения прошло немало, а провоцировать новое очень не хотелось.

В туманное утро в лесу далеко разносятся звуки. Сам Арвиэль закричать не мог – это всё равно, что подписать себе смертный приговор.

Однако...

Длина бечёвки – от силы сажень.

Волчьи ямы копают не менее полутора глубиной.

Но Арвиэль, повидавший в своей северингской жизни не одну такую ловушку, отлично знал расположение кольев.

Стражник понял, о чём думал тот голова. Да, конечно, о маленьких радостях, каких никогда больше не будет. О незавершённых делах и ошибках. О тех, кого уже не увидит.

Арвиэль нагрубил своему наставнику, которого искренне любил. Симке мог чаще сливки покупать. Так редко делал Марте заслуженные комплименты. Не выспросил у Сатьяна, какие с его точки зрения «оне, ельфы». С Акимом на охоту не сходил, а с дядькой Темаром на рыбалку. Да и Эртан, оказывается, очень даже неплохой парень. Жаль, раньше этого не знал, могли бы давно стать приятелями.

Аватар обернулся. Орк тоже посмотрел на него и ободряюще улыбнулся.

* * *

Для Симки подсознание хозяина было прудом, где плавали эмоции-рыбы. По мере того как эльфёнок вырос, появлялись новые обитатели, некоторые уходили на дно, одни вырастали, другие, напротив, становились меньше. Домовой любил из камышей подглядывать за тем, что происходит у хозяина в мыслях, когда он советуется сам с собой, но почти всегда рыбное «вече» заканчивалось эффектным появлением щуки, представляющей злость, которая выпрыгивала из воды прямо перед Симкиным носом и остервенело лязгала зубами:

– Брррысь!

Сейчас он даже щуку расцеловал бы в оскаленную морду. Но не чувствовал ничего, только знал, что хозяин жив. Иначе и Симки уже не стало бы. Кулон, который он нёс в зубах, был всего лишь ключом в дом для духа – тело аватара. Без ключа в дом не войти, но без дома ключ бесполезен.

Кот трусил впереди отряда в четырнадцать человек, включая Берена и Прокопия. Люди размеренно шагали, не останавливаясь на отдых, даже жажду утоляли на ходу, но всё равно

шли слишком медленно. Больше всего хотелось сорваться и побежать, но Симка был единственным провожатым. Поэтому домовый крепче сжимал кулон и думал о том, как он будет мурчать на груди хозяина и прогонять от него дурные сны.

* * *

То ли мазь подействовала, то ли организм наконец начал регенерировать, но Арвиэлю значительно полегчало. Вида он не показывал, напротив, старательно спотыкался и в результате на самом деле запнулся за скрытый туманом корень, за что получил пинка под рёбра от Сухаря, который сам едва не упал вслед за парнем.

– Полегче, он нам живой нужен, – осадил Зверь тощего, однако не остановил, когда тот снова замахнулся ногой.

– Я тебя загрызу, – пообещал орк тихо, зато с такой интонацией, что каторжанин разом остыл. Эртан тоже заработал мстительного тумака в бок, но едва покачнулся.

Пришлось делать привал. Заложников не развязали, но дали напиться.

– Вы всё равно нас убьёте. Чего на покойников воду изводить? – буркнул Арвиэль.

Похоже, Дина только и ждала передышки, чтобы получить этот вопрос и ответить.

– Когда выберемся из болот, я перережу верёвку. Беги и не оглядывайся.

– Тебя убьют, – перешёл на шёпот и Арвиэль.

– Зверь не позволит. Но если тебя снова схватят, я ничем не смогу помочь.

– Почему ты меня спасаешь?

– Ты так похож на мою покойную бабушку, – серьёзно пояснила Дина. – Она тоже была особенная.

Парень страдальчески закатил глаза:

– Это самый ужасный комплимент в моей жизни...

Про Эртана аватар не спрашивал, чтобы не сбивать девушке настроение. Ясно, что судьба орка её не волнует.

Если бы Дина с самого начала решила помочь Арвиэлю, он бы сумел защитить её от виселицы, напирая на шаткое положение «заложницы» в банде, на добровольное содействие следствию и полное раскаяние. А там, глядишь, что-нибудь получше придумалось бы. Но рыжая напала на стражника, пыталась... Да Берен вздёрнет её на первом суку...

Теперь при отчёте всё-таки можно будет приплести это шушелево «содействие». Очень уж не хотелось представлять Дину на виселице, которой она так боится...

«Поводок» отдали Дубине: этого с ног так просто не свалить, зато, если пнёт, потом уж точно не встанешь. Арвиэль по-прежнему шёл медленно, но куда более осторожно, боясь снова спровоцировать бандитов, да и отбитые рёбра не располагали к бодрому маршу с песнями.

Судя по солнцу, было около десяти часов утра, значит, стражники уже где-то неподалёку. Несмотря на жару, в ложбинках ещё копошился туман, словно гигантские медузы, распластавшиеся по зелёным волнам. Лучи сочились сквозь листву, выкладывая на коре причудливую мозаику. Беззаботный лес пел, звенел, а где-то справа и куковал, но Арвиэль, настроенный гораздо менее жизнерадостно, не рискнул задать птице традиционный вопрос.

Вскоре парень увидел знакомый корч, похожий на щуку с игольчатым разломом пасти, обросший мхом, как чешуёй. Эртан сдавленно кашлянул, вспомнив, что там, за корягой. А вот бандиты этого не знали, и старую ловушку, засыпанную листовым перегноем такой толщины, что кое-где трава проклюнулась, они не заметят. Арвиэль обошёл «щуку» и уверенно зашагал дальше, даже не замедлившись на краю ямы. Как он и предполагал, настил выдержал вес аватара, как зимой выдерживал и снег. Через сажень в длину верёвки рубеж перешагнул и Дубина...

А потом мир затрещал и обрушился ворохом сучьев и листвы навстречу ощеренной кольями бездне.

Этот вопль услышал даже сом в Вельге.

* * *

Эхо ещё долго плыло над кронами вместе с птицами, вспугнутыми и теперь мельтешащими в небе.

– Кажется, не наши, – с облегчением выдохнул Аким.

– Не наши, – подтвердил Берен. – Но я уверен, что это Арвиэль нашёл способ подать нам сигнал, где они.

Градоправитель искренне надеялся, что дело обстоит именно так, а не то, что воспитанник решил проявить инициативу и на пару с Эртаном повязать бандитов.

– Вон оне, ельфы-то, какие... изобретательные, да-а... – вздохнул Сатьян.

– Теперь идти надо осторожнее, чтобы не выпрыгнуть на них. Иначе бандиты могут убить ребят, – несмотря на затяжные пьянки, кой-какие извилины у Прокопия остались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.